

18+

Аркадий Марьин

Эффект озарения

Сборник фантастических рассказов

Аркадий Марьин

**Эффект озарения. Сборник
фантастических рассказов**

«Издательские решения»

Марьин А.

Эффект озарения. Сборник фантастических рассказов /
А. Марьин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747475-1

Каковы законы в фантастике? Что в ней беспрекословное табу, а что является непреложной истиной? Ересь в суждениях — это смелость или обычная недальновидная глупость? В этой книге, конечно же, не об этом. Но прочитав её, возможно, вы зададитесь подобными вопросами. И отвечать на них только вам...

ISBN 978-5-44-747475-1

© Марьин А.
© Издательские решения

Содержание

Беглые пальцы	6
Нити в небеса	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эффект озарения

Сборник фантастических рассказов

Аркадий Марьин

© Аркадий Марьин, 2018

ISBN 978-5-4474-7475-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Беглые пальцы

Разогнать толпу? – Нет ничего проще!

Конечно, если вы экипированы в костюм с защитными пластинами из углеводородного пластика на основе нано-кобальтипластового волокна, на голове обзорный тактический шлемофон из ударо- и жароустойчивого пластилмоза, в одной руке ударный шуп с подачей на шаровидный наконечник статического разряда в несколько сотен тысяч вольт, а в другой модуль-защита, – щит, способный становиться как частью общего заграждения, так и самостоятельной оборонительной единицей. Добавьте к его возможностям выброс парализующих игл или едкого раздражающего газа. И ещё одно условие, – у вас должна быть группа товарищей, именуемых для субординации сослуживцами, которые помогут вам почувствовать себя такой силой, которая способна развеять и морально подавить любые толпы.

Как выразался непосредственный начальник Ивана Блика, сотрудника Подразделения Подавления Беспорядков: «Нет возможности растоптать сапогом – раздави морально!». Этот старый волкодав помнил то время, когда была полиция. Его отец, как он рассказывал, даже служил в ней, на территории ещё существующей Российской Федерации. Тогда у силовых структур, подобной той, в которой сейчас служил Иван, такой экипировки не было. И разогнать недовольную, орущую, беснующуюся толпу было куда сложнее. Но, правда, сотрудники и не получали таких ранений и увечий. Ведь со временем модифицировалось в первую очередь оружие и средства поражения, а затем уже, в след за этим, средства защиты. Теперь недовольные люди выходили на улицы не просто с ножками от столов с торчащими из них погнутыми и ржавыми гвоздями. Раньше самым опасным предметом в руках протестующих могло оказаться кем-то прихваченное для острастки служителей закона охотничье ружьё. Теперь у толпы, чаще облачённой в строительную или горнодобывающую защиту, могла оказаться лёгкая переносная термическая пушка или даже ультразвуковой дробильник, который при прокладывании тоннелей неплохо крошит гранитную породу, а в случае уличной баталии – чужие кости.

О ручных гранатах и метательных минах и упоминать не стоит. Хотя нет, об одной всё-таки стоит. Именно одна из таких мин прилетела под ноги Ивану. И именно она лишила его обеих ступней. Взрывное устройство, простейшее по своей конструкции, по виду напоминающее шайбу для игры в хоккей на льду. Когда взрывалась эта мина, то её ударная волна не разлеталась хаотично в разные стороны, а срезала всё как бритва на высоте пятнадцати сантиметров от поверхности в радиусе двух метров. Прекрасно срабатывала на ровных поверхностях, какой, к примеру, являлась заасфальтированная проезжая часть любого обустроенного населённого пункта.

Разгоняли как-то горняков одного северного городка. Сначала это больше походило на пьяный дебош. Думали, справиться с ними будет просто и к утру всё подразделение вновь окажется на базе, расположенной на севере Уральского региона. Но сначала в толпе раздались редкие выстрелы, затем полетели бутылки из-под пойла с какой-то вонючей горючей смесью, а уже потом, совсем неожиданно, одна за другой такие шайбовидные мины, всего четыре штуки. От трёх их группа успела отгородиться модуль-защитами, сцепив между собой всего пять щитов. Четвёртая мина, брошенная не по поверхности, не прикатившаяся колесом как предыдущие, а прилетевшая сверху, отскочила от щита стоявшего позади сотрудника их подразделения и упала как раз под ноги Ивану. Увидевший, что происходит Руслан Мамбеков, только успел крикнуть: «Берегись!». Иван присел, сжавшись в комок за щитом. А делать нужно было совсем другое. Просто отпрыгни он тогда в сторону, ходил бы сейчас на своих двух ступнях, а не на протезах. Врачи попытались сделать всё возможное, но, отчаявшись, вынесли вердикт: приживить оторванное и раздробленное не удастся, – добро пожаловать к ортопеду!

С того самого момента Иван понял, что о карьере в Подразделении Подавления Беспорядков или вообще в Силowych структурах нужно забыть. Пусть даже на высококлассных, эластичных протезах, но на протезах, толпу на улице не погоняешь, от выстрелов дробовика и летящих зажигалок и гранат не поворачиваешься. Сразу переходишь в ранг пушечного мяса и лёгкой добычи. Профессию придётся поменять, это точно.

Далее для Ивана вырисовывалось два пути развития событий в его жизни, предложенных опекуном советом по делам инвалидов-сотрудников ППБ. Нет, его не выбрасывали на улицу, как отработанный материал. Наоборот. Ему предложили даже выбор. Первое – это получать пособие по инвалидности в течение всей жизни равными долями по 155 азио каждый месяц. Либо второе – получить единовременную субсидию для организации дела, начала бизнеса, да всего чего угодно.

Возможность попробовать жить самостоятельно и зависеть только от собственных сил – это здорово. Но деньги в этом случае довались единожды. Их можно было, что называется, выпустить в трубу и остаться полностью на мели. Это означало конец не только нормальному существованию, но и в принципе существованию. Выплата составляла 10 тысяч азио. Стоило о чём подумать. Немалые деньги. Тем более, в самой твёрдой валюте на сегодняшний день.

С выбором опекунский совет не торопил. Был целый месяц, чтобы принять окончательное решение. Была возможность посоветоваться со знакомыми, близкими или друзьями, взвесить все «за» и «против».

Отец с ним разговаривать бы не стал. Он был недоволен сыном с тех пор, когда тот после «семилетки» ушёл на курсы специальной физической подготовки, чтобы после трёх лет муштры стать сотрудником одной из силовых структур, отвечающей за порядок на территории Азиатского Единства. Работа для настоящих мужчин, как утверждалось в рекламных проспектах и в призывах на медиаканалах. Что могло быть привлекательнее для упёртого, не совсем успешного в учёбе и гордого паренька из средней рабочей семьи? Элементарно, вид строгой, без излишеств формы сотрудника ППБ приводил его в молчаливый, восторженный трепет. Что и сыграло, пожалуй, ключевую роль в его последующем выборе места службы.

Узнав о том, что Иван собирается стать «цепным псом грязных денежных воротил», отец поклялся, что не обменяется с сыном ни словом, пока тот не одумается и не выберет достойную для его фамилии профессию. Любую, связанную с настоящим физическим трудом.

Да что отец вообще знал об адском труде сотрудника ППБ? Он, видимо, думал, что там работают только по понедельникам, а в остальное время едят сладости, запивая их фруктовыми алкогольными напитками. Просто, его не устраивало, что сын не стал таким же работягой, как и он. И частенько стыдился, когда в кругу друзей кто-нибудь вспоминал, где работает его сын Иван.

Возмущалась ли мать? Нет, она совсем не возмущалась. Отнеслась к выбору сына спокойно, с пониманием. На то она и мать. Сидя за столом напротив мужа, она лишь сложила на коленях свои руки, тяжело вздохнула и произнесла: «Наверное, это его путь...». И Иван знал, что её сердце было открыто для него всегда.

Именно поэтому решил свой первый звонок совершить ей. Да, и, в принципе, больше звонить было некому. Все друзья остались в подразделении, а близких у него, кроме отца с матерью, не было. Не успел ещё обзавестись.

Мать ответила на вызов почти сразу. Больше время она проводила дома. Артрит мешал длительное время оставаться на ногах, а, значит, основную задачу по обеспечению семьи взял на себя отец.

– Да, слушаю, – ответила спокойным, своим мягким голосом женщина. И заметив в объективе видеофона Ивана, заметно тише добавила, – Ваня? Это ты?

– Я, мама. Здравствуй! – слегка улыбнувшись, заговорил Иван. – Отец дома? – решил сразу же поинтересоваться он.

– Да, он в комнате, но его лучше не беспокоить. Он очень устал за эту неделю. Отдыхает. Что-то смотрит по медиаканалу.

– Кто там звонит? – раздался резкий, с лёгкой хрипотцой голос отца.

– Не беспокойся, Борис, – тут же отозвалась куда-то в сторону женщина, – это статистический опрос.

– Политика? – раздражённо поинтересовался голос.

– Женская лига, – уточнила мать.

– Политика! – констатировал по-прежнему недовольный голос отца.

– Отец всё ворчит? – тут же поинтересовался Иван, изображая на лице натянутую улыбку.

– Он всегда ворчит...

– Понятно...

И, что-то почувствовав, мать спросила:

– Иван, у тебя всё в порядке? Ничего не случилось?

Что-то придумывать или делать длительные отступления было бы глупо. Для того и звонил, чтобы сообщить, перед каким выбором он оказался.

– Случилось, мама, врать не буду. Ты, главное, не пугайся. Договорились?

– Ты живой, сынок, а это для меня главное. Всё остальное я смогу как-нибудь пережить.

В этом я тебя уверяю.

– Я стал инвалидом, мама.

Мать тут же опустила вниз голову и украдкой, коротким движением руки, провела пальцами под глазами, утирая еле выступившую влагу. И вновь подняв лицо, сказала:

– Главное, что ты жив. Ты же знаешь, как мы с отцом всегда переживаем за тебя.

– Да, мама, я помню. А теперь вот я калека, которому нужно что-то дальше делать.

– Но голова ведь у тебя на месте, – теперь подобие улыбки попыталась выдать из себя мать, – значит, и что делать сообразить можно.

И замолчала, приготовившись слушать сына, но тот не спешил рассказывать всё сразу.

– Так в чём же твоя инвалидность, сынок? Расскажи матери.

– Мне ампутировали ступни, – уверенно произнёс Иван.

Было заметно, как мать перевела дыхание, сдерживая подступающие слёзы. Не хотела расстраивать сына.

– А протезы? Протезы тебе уже сделали?

– Да, мама, хорошие, стандартные протезы. Из мягкой резины. На своих же обрубках пришлось учиться ходить почти заново. Ещё немного покачивает. Пытаюсь почувствовать...

– Ничего, ничего. Это правильно. Это только первое время, а потом привыкнешь, – размеренно говорила мать, успокаивая то ли сына, то ли саму себя.

– Конечно, привыкну. Даже машину нормально водить смогу. Уже попробовал – получается!

Женщина заметила, как у сына блеснул огонёк в глазах. Это ей понравилось. Значит, по большому счёту, с ним всё в порядке. Ступни – это только часть, которую забрали у её мальчика. Без них он сможет прожить, в этом она была уверена, зная его упёртый характер.

– Теперь тебе полагаются денежные выплаты, насколько я знаю, по выходу на инвалидность. Так?

– Да, мама. В этом-то вся и штука.

– Тебе отказывают? – испугалась мать собственной догадке.

– Нет, нет, всё в порядке. Может быть, ты не знаешь, но существует два варианта выплат.

Я хотел посоветоваться. У меня есть выбор...

– Ты не хочешь брать деньги? – ещё больше напугалась мать.

– Это было бы перебором, – криво усмехнулся Иван. – Без денег я сразу сдохну. Я не идиот!

– Это хорошо, сынок, это правильно, – сразу же успокоилась женщина. – Что же я тогда могу посоветовать? Что за два варианта?

– Два варианта. Первый – это получать ежемесячное пособие и жить на него. Но его хватит только на то, чтобы есть, одеваться и куда-нибудь выбираться раз в год. Не далеко. На уральские озёра, например.

– Здорово! Там прекрасные комбинаты отдыха. А чего тебе ещё хочется? Тебя это не устраивает?

– Меня это устраивает, в принципе, но ведь есть и второй вариант.

– Да что это за вариант? Ну?

– Получить сразу много денег, чтобы жить самостоятельно. Может быть, начать собственное дело. Не быть обузой на шее у государства.

С каждым словом сына, лицо матери всё больше начинало выражать испуг вперемешку с озабоченностью. Такого услышать она явно не ожидала. Это, конечно же, сразу заметил Иван.

– Мам, – поспешил он добавить, – я помню, как относится к подобным мыслям отец, потому и решил посоветоваться с тобой.

Мать опустила глаза, обдумывая свой ответ. Иван был почти уверен в том, что ему ответит эта давно поседевшая женщина.

– Может быть, это знак? – начала неуверенно она. – Может быть, именно сейчас тебе следует прислушаться к давнему совету отца и стать обыкновенным рабочим?

– Работягой? – слегка зло уточнил Иван.

– Да, как и твой отец. Я уверена, что твоя так называемая инвалидность, лёгкое увечье, которое не мешает получить новую профессию. И отец бы гордился тобой. Он бы гордился...

– Перестал бы стыдиться меня, – перебил Иван, – сына, ставшего псом для травли людей. Он ведь так до сих пор считает?

– Да, считаю! – донёсся голос отца.

– Он нас слышит? – спокойно спросил Иван.

– Теперь, да, – смутилась мать.

– Просто, мне стало любопытно, что у представителя женской лиги такой низкий хрипловатый голос.

Отец появился в поле зрения Ивана, на экране видеодинамика. Мать было рванулась в сторону, уступая место главе семейства, но тот удержал её за руку.

– погоди, останься. Скажем нашему любимому сыночку «до свидания» вместе.

Мать покорно осталась.

– Здравствуй! – холодно произнёс Иван.

Отец пропустил мимо ушей приветствие сына.

– Соскучился по родственникам, я смотрю? – с иронией спросил отец. – Или распустили ваш ППБ, и теперь тебе не у кого выслуживаться?

– Иван теперь инвалид, – тихонечко проговорила мать.

Отец на мгновение замолчал, слегка сдвинув брови.

– У меня нет ступней на обеих ногах, – уточнил Иван.

– Такое случается, – совершенно серьёзным тоном сказал отец. – Планы?

– Планы простые, но ты их не одобришь в любом случае.

– Решил податься в политику? – теперь усмехался отец.

– Не выйдет, – ответил Иван.

– Что так? – В глазах отца заблестели бесовские искорки. – Мышцы накачал, а с мозгами проблема?

– Видно, весь в отца!

Ухмылка тут же слетела с губ собеседника. Камень, брошенный Иваном, достиг отцовского самолюбия.

– Я ведь говорил, чтобы ты не звонил нам! Говорил? – с нарастающей злостью заговорил отец.

– Говорил, – подтвердил Иван.

– Ну, так вот и не звони! Инвалид контуженный!

И в ту же секунду отец отключил сеанс связи. Иван даже не успел огрызнуться как следует. Лицо залила пунцовая краска злости, желваки заходили белыми буграми.

– Рыло промазученное, – сквозь зубы, медленно произнёс Иван.

Вот и спросил совета у родственников. Теперь окончательно стало понятно, что решение придётся принимать самостоятельно.

Иван закрыл портативный сетевой коммуникатор, сунул его в свою дорожную сумку. Из кармана куртки вытащил сложенный вчетверо пластиковый медийный проспект, любезно предложенный при выписке из госпиталя. Развернув лист, он увидел изображения примерно тридцати различных пансионатов, с кратким описанием их достоинств, – от ухода за подопечными, до природных красот, раскинувшихся в округе. Иван ткнул пальцем в картинку пансионата, расположившегося на берегу озера Байкал. Шут его знает, почему именно в неё. Просто, сердце шепнуло.

В ту же секунду при помощи встроенного в проспект мультимедийного плеера изображение разрослось в объёмное. Сине-зелёные матовые и блестящие зеркальные строения, окружённые хвойным лесом с одной стороны, и застывшей, покрытой лёгкой рябью воды с другой, медленно вращались над поверхностью развёрнутого листа, давая возможность разглядеть пансионат с высоты птичьего полёта. В уголке картинки мерцала надпись, предлагающая воспользоваться персональным наушником, чтобы прослушать всю основную информацию о представленном заведении: «Пансионат инвалидов и ветеранов ППБ Байкальский». Иван пощупал себя по уху и тут же вспомнил, что наушник и гарнитура от коммуникатора сейчас находились в сумке. А лезть в неё почему-то было лень. После разговора с родителями всё тело обмякло и стало ватным.

Скользнул глазами по тексту аннотации под изображением, выхватив несколько слов, и тут же подумал: «Да какая, к чёрту, разница, какой пансионат выбирать? Съезжу прямо в этот! Получу впечатления. Вряд ли они чем-то существенным друг от друга отличаются. Этот, вон, написано „образцовый“. Чем это, интересно? Все при параде с утра до вечера ходят, а медали и значки отличия только перед процедурами снимают?». Иван даже усмехнулся своей весёлой догадке. Ему было всё равно, в какой из пансионатов ехать, чтобы иметь представление обо всех, в которых коротали свой век бывшие ППБесовцы. Вот и выбрал методом «тыка». Совершенно без разницы.

Ещё раз ткнув пальцем в изображение, чтобы остановить плеер, Иван подошёл, не закрывая проспекта, к информатору и спросил:

– Мне нужно выехать сегодня вот сюда, – он указал на изображение пансионата, – любым ближайшим поездом.

Информационный ларёк, встроенный в стену вокзала, мигнул огоньком, появились слова «запрос обрабатывается» и, наконец, раздался голос информатора, безинтонационный, сухой, одинаковый для всех информационных ларьков.

– Пансионат «Байкальский», станция прибытия «База Байкальская», выход на перрон аккредитованным сотрудникам Министерства Общественной Безопасности и служб, входящих в его юрисдикцию. Обычное следование – без остановки. Исключение – по требованию. Вы располагаете аккредитацией? – не замедлил спросить информатор.

Иван криво усмехнулся и достал небрежным жестом из нагрудного кармана личную учётную карточку. Информатор ещё раз мигнул огоньком, показывая, что информацию с карты считал, и продолжил:

– Благодарю. Вы можете отбыть поездом номер семнадцать сорок три ноль четыре сегодня, в 16:15 местного времени, через одиннадцать минут, платформа пятая минус третьего яруса, вагон шесть, место восемь. Время в пути три часа двадцать одна минута. Приятного пути, Иван!

– Спасибо, – пряча обратно карточку, ответил Иван и зашагал к посадочному тоннелю, по которому траволаторы вывезут его на нужную платформу.

Хотелось побыстрее сбежать из этого здания вокзала, в котором всего несколько минут назад у него произошёл этот пустой, скорее склочный разговор с отцом. Другого и не могло произойти. Но ведь Иван надеялся, что удастся поговорить только с матерью.

Скорее в поезд, скорее в пансионат «Байкальский»! Сейчас он не был уверен, – быть может, он собирается ехать в свой новый дом, а, быть может, просто пытается убежать от своих неприятных воспоминаний.

Через несколько минут поезд мчал в своём чреве безногого инвалида на берега самого глубокого пресноводного моря планеты.

Глядя на проносящиеся за стеклом пейзажи, Иван прислушался к монотонному шелесту за обшивкой вагона. Это многоголосое насвистывали, проносящиеся мимо, потоки воздуха. Когда-то поезда были намного шумнее, если верить рассказам отца. Ещё в детстве он поведал Ивану, что было время, когда составы из нескольких десятков вагонов ездили по стальным полоскам, намертво прикреплённых к земле. При этом они создавали столько шума, что звук движущегося поезда можно было услышать за километр, а в тихую ночь и за три. Трудно в это поверить сейчас, когда вагоны летели со сверхзвуковой скоростью в десяти метрах от поверхности земли в своеобразном магнитном тоннеле, создаваемом четырьмя пластинами, тянущимися непрерывно от одной станции до другой. Тысячи километров магнитных тоннелей, сотни тысяч!

Интересно, похожи хоть немного эти, современные пластины на те, по которым когда-то громыхали допотопные «электропоезда». Как какие-то игрушки. Смешно.

Следуя за своими мыслями, Иван и не заметил, как постепенно провалился в сон, уткнувшись лбом в прозрачную панорамную стенку вагона.

Когда состав начал приближаться к станции «База Байкальская», его скорость заметно снизилась. Умная электронная начинка в головном отсеке управления своевременно подала сигнал механизмам движения о необходимой остановке. Плавно начала работу схема торможения. В одном из вагонов находился пассажир, имеющий допуск на сход с поезда в заданной точке маршрута.

Под сонным, расслабленным телом Ивана настойчиво завибрировало кресло, извещая о прибытии на станцию. Иван тут же открыл глаза. Лёгкое недовольство собой читалось в выражении слегка помятого лица. Так бесконтрольно впасть в сон и проспать всю дорогу на полном расслабоне – это было не в его характере.

– Расслабился, – буркнул себе под нос Иван, поднялся с места и потянулся к верхнему багажному отсеку лёгкой ручной клади.

Доставая дорожную сумку, он заметил, как состав остановился. В ту же секунду в сумке низким звуком завибрировала гарнитура, напоминая и настаивая, чтобы ей немедленно воспользовались. Видимо, его ожидала какая-то срочная информация. Ещё бы, ведь для него одного был остановлен целый поезд. Сейчас начнутся вопросы и инструкции. Это Ивану было хорошо знакомо по долгу его службы. Он собирался ступить ногой на режимную территорию. Пусть предназначенную не для тактической подготовки и обучения, а для реабилитации и отдыха сотрудников, отправленных в запас по выслуге лет, возрасту или состоянию здоровья. Не одно ли и то же для тех, кто относился к ППБ?

Гарнитура перестала гудеть, как только Иван вставил её себе в ухо.

– Добро пожаловать на «Базу Байкальская», – произнёс приятный женский голос. Совсем не то, что в информационном киоске на вокзале. Так и подмывало спросить имя той, которая приветствовала Ивана. Но субординация превыше всего, это он понимал.

– Благодарю, сотрудник, – по уставу отчеканил Иван. – Прибыл для ознакомления с предполагаемым местом дальнейшего проживания в связи с полученной инвалидностью. Сотрудник ППБ Иван Блик.

– В начале перрона вас ожидает транспорт, – по-прежнему мягко произнёс голос. – Спасибо, что решили посетить нашу базу первой. Приятного вам ознакомления и новых знакомств.

– И вам спасибо, – с улыбкой ответил Иван, не рассчитывая на продолжение беседы. В наушнике что-то легонько щёлкнуло, намекая на окончание приветствия.

Повернув голову в том же направлении, в каком за его спиной неслышно тронулся в дальнейший путь состав, Иван увидел ожидающий его «транспорт». Это была пассажирская облегчённая кабина на гравитационных дисках. Такое транспортное средство называлось незамысловато «мобиль», изобретено и сконструировано было совсем недавно. Имелось в пользовании только у спецподразделений и армии. Так называемые «пробные модели». Подойдя ближе к транспорту, Иван заметил сидящего человека на месте водителя.

– Служба не в тягость! – по-свойски поздоровался он с незнакомцем, выставляя перед собой кулак для приветствия, как привык поступать при встрече за годы службы.

Мужчина лет сорока, с короткой стрижкой и лёгкой седоватой небритостью на лице, небрежно повернулся к Ивану и довольно прохладно поздоровался:

– Куда уж нам, ветеранам и инвалидам!

Заметив предложенный для приветствия кулак, мужчина, вместо того, чтобы ткнуть в него своим кулаком, как это было неформально принято в ППБ, просто хлопнул по нему своей пятернёй, и с улыбкой добавил:

– Кончилась служба, браток. Отдыхай! Садись рядышком в чудо современной техники и поехали. Я сам, видишь ли, напросился тебя встретить. Поговорить захотелось в дороге, пока до нашего пансионата добираться будем. Надеюсь, ты не против?

Иван уселся в мобиль и, сдерживая эмоции, произнёс:

– Нет, я не против...

– Отлично! Поехали.

И мужчина нажал на продолговатую кнопку на приборной панели рядом с рулём. Мобиль плавно двинулся с места и, без какого либо участия человека, поплыл над землёй. Иван еле различал низкий монотонный звук под своим сиденьем.

– На постоянку или в плане ознакомления? – начал расспросы навязавшийся попутчик.

– Ознакомления, – неохотно ответил Иван.

– Кстати, меня зовут Андрей. Можно просто Белов.

«Надо же, снизошёл до знакомства», – подумал Иван и ехидно улыбнулся.

– Иван, – произнёс он в ответ, но протянутой руки Андрея для рукопожатия, распространённого среди обычных работяг, как будто не заметил.

Андрей, поняв, что жать его руку никто не собирается, тоже криво улыбнулся и устало откинулся на спинку сиденья.

– Серьёзное что-то или так, задницу фугасом опалило? – прищурясь, снова спросил Андрей.

– Отсутствие конечностей можно считать серьёзным или мелким недоразумением? Я не очень знаком со шкалой инвалидной дефектологии в вашем пансионате. Так что, решать вам.

Андрей понял, что слишком перегнул палку. Гость начинал злиться.

– Не нужно обижаться, старик, – заметно мягче начал говорить новый знакомый. – Мы тут в глуши совсем скисли без нормального общения. Каждый день одни и те же рожи. Поневоле окрысишься. Это во мне инстинкт говорит.

– Редко что ли новые люди навещают? Нет поступлений? – удивился Иван.

– В самую точку, старичок. Одно только что, Байкал. А так, дыра дырой.

– А в проспекте описаний вы указаны, как образцово-лучший пансионат для ветеранов и инвалидов ППБ.

– Слишком образцовый, даже блевать хочется.

– Чего же тебе не нравится? Кормят что ли плохо?

Андрей загоготал так, что мобиль стало слегка трясти, и двигатель машины даже скинул обороты.

– Или слишком хорошо? – смутился Иван. – Может, выпивки тебе подавай? Слышал я что-то о нескольких пьяных бунтах в паре-тройке южных пансионатах. Угадал?

– Мне выпивка ни к чему. Не успел я к ней пристраститься, – успокаиваясь, продолжил Андрей, – жил по уставу и вольностей себе не позволял. Я о другом говорю. О том, что любому мужчине необходимо. Понимаешь?

Иван понял Андрея по-своему.

– У вас что, не предусмотрены симуляторы боя для психологической разрядки? Насколько я знаю, рекомендации психологов...

– Да какие рекомендации! – резко и слегка подсмеиваясь, перебил его Андрей. – Сдались мне эти симуляторы боя. Я по женской ласке скучаю, а ты мне симуляторы предлагаешь.

Иван насторожился. Неужели у них в пансионате и такие симуляторы имеются? Вряд ли бы им разрешили. Хотя, место глухое, как выразился Андрей, могли сделать и исключение из правил.

– Такие симуляторы, вообще-то, ну, как это выразиться, – замялся Иван, – не совсем разрешены в наших структурах.

– Ты о чём? – не сразу понял Андрей.

– Интимные симуляторы, – прижав подбородок к груди, насупив брови, серьёзно произнёс Иван.

В ту же секунду Андрей захохотал так, что это от его голоса, казалось, повалит стоящие вдоль дороги сосны.

– Ну, ты даешь! – сквозь слёзы, наконец, заговорил Андрей. – У тебя женщина есть? Или девушка? Честно!

– Не успел ещё, – окончательно смущаясь, ответил Иван. – Это принципиально?

– Не очень, – успокаиваясь окончательно, и утирая глаза краями рубахи, уточнил Андрей. – Да и системы ты нашей, похоже, ещё не знаешь. Пансионата, я имею в виду.

– Ну, так объясни. Что ж ты меня за безмозглого курсанта держишь?

– Да не злись ты. Кровь горячая!

– А ты воду не мути. Говори как есть, а не корчи из себя девственницу на первом свидании: то не так, да это не эдак!

Теперь уже у Андрея зло блеснули глаза.

– Молодой и наглый, – сухо произнёс он.

– Это инстинкты срабатывают. Профессиональная хватка, – уточнил Иван.

– Хорошо. Это хорошо. Ладно, не злюсь. Умыл, как надо, – Андрей махнул рукой. – Скоро прибудем, но объяснить успею.

– Слушаю внимательно, гражданин «сексуальное недовольство».

Андрей немного поелозил в кресле, но на колкость не ответил, сразу заговорил о сути.

– То, что у нас женщин в пансионате нет, это понятно. Спецподразделение, всё-таки. Хотя, я считаю, что это большая недоработка. Но не в этом дело. Можно, конечно, пилюли спе-

циальные глотать, что, в принципе, большинство нашего контингента и делает. Но ведь мозгами, – Андрей постучал себя пальцем по голове, – понимаешь, что ты мужик, самец, кобель! Что у тебя яйца между ног не просто так болтаются!

– Подавление полового влечения, как я догадываюсь, дело добровольное? – уточнил Иван.

– Да, добровольное, конечно, – снова махнул рукой Андрей. – Но жизнь-то проходит. Обидно. Понимаешь?

– Понимаю, – с серьёзным видом кивнул головой Иван, хотя в полной мере всё же не понимал. Андрей напомнил ему ребёнка, расстроенного тем, что его мороженное выпало из стаканчика.

– А свидания разрешены?

– Кто сюда поедет, – кисло улыбнулся Андрей. – Ещё эти проверки, допуски, разрешения.

– Даже для родственников?

– У кого есть родственники, тот у них и живёт. Какого лешего им здесь делать?

– В жизни всякое бывает, – резко ответил Иван, вспоминая раскрасневшееся лицо отца во время их последнего разговора.

Лесная дорога заканчивалась правым поворотом к ярко-красному шлагбауму. Ни сторожевой будки, ни навеса, ни тем более охранника возле него не было. На невысоком столбе рядом с проездом располагалась миниатюрная система видеослежения, и чуть ниже динамик.

Мобиль повернул и остановился возле ограждения.

– Ну, что, домой запускать будут? К нам гость, между прочим, пожаловал. Или нам с ним в лесу заночевать?

На динамике загорелся зелёный светодиод и раздался уверенный женский голос:

– Сотрудник запаса Андрей Белов, вы снова нарушаете внутренний распорядок. Немедленно воспользуйтесь персональной аудиогарнитурой. Вам выносится очередное предупреждение.

– Надсмотрщик, твою мать, – злобно улыбаясь, сказал Андрей, но гарнитуру в ухо всё же засунул. – И сколько у меня этих сраных предупреждений?

– Восемьсот первое. Спасибо за соблюдение внутреннего распорядка.

Индикатор погас.

– До тысячи хочу дотянуть. Так, ради интереса. Скучно...

– А наказания? – осторожно поинтересовался Иван.

– Смеёшься! Куда уж больше?

Шлагбаум начал медленно подниматься. В ту же секунду Иван услышал в своём ухе всё тот же женский голос, но сейчас он звучал заметно мягче.

– Сотрудник запаса Иван Блик! База «Байкальская» и пансионат ветеранов и сотрудников запаса ППБ «Байкальский» приветствуют вас! Пожалуйста, не вынимайте и не отключайте персональную гарнитуру до конца пребывания на нашей гостеприимной территории. Я смогу дать всю необходимую информацию по расположению корпусов, оптимальному перемещению и о правилах внутреннего распорядка. Благодарю за содействие и понимание. Информационная система «Байкальская».

Мобиль уже катил дальше по ровной дорожке к центральному корпусу пансионата. Андрей заметил по лицу Ивана, что тот внимательно слушает свою гарнитуру.

– Знакомитесь? – поинтересовался он.

– Уже всё. Вводные инструкции получил, – улыбнулся в ответ Иван.

– Ну, что же, добро пожаловать, так сказать. Я тебе тоже что могу, покажу и расскажу. Не против?

– Только за!

– Вот и отлично, – Андрей даже потёр ладошки. – Не зря я тебя, значит, встретил.

Иван кивнул, но ничего не ответил. Никак он не мог разобраться в этом Андрее. За видом такого разнузданного простака на самом деле могло скрываться, чёрт знает что. У хитрости в арсенале бывают разнообразнейшие силки, в том числе и розовые, пушистые, с бантиками.

Когда мобиль остановился перед центральным входом (если он, конечно, таковым являлся), Андрей громко выругался. Иван с недоумением посмотрел в сторону своего попутчика.

– Ублюдки! Вызывают они меня. Опять с меня чешую содрать попытаются, – вылезая из транспорта, ворчал Андрей, – забодали уже со своим распорядком.

Догадаться было не трудно, что его через персональную гарнитуру пригласили на «головнойку» за, видимо, слишком своенравное поведение.

– Ты не расстраивайся, старик, – обратился Андрей к Ивану, – прополощут мозги, как обычно, и отпустят на все четыре стороны пансионата. У нас ещё до расстрела не доходило.

– Это меня радует, – с иронией ответил Иван.

Уже оба стояли между мобилем и широкой лестницей к входу в корпус.

– Тебе по лестнице. Там дежурный администратор встретит. А я дальше до корпуса администрации пансионата прокачусь. Ближе к вечеру встретимся.

И Андрей во второй раз протянул Ивану руку.

«Настырный, чёрт, – подумал Иван, – прямо набивается в друзья-товарищи. Да, ладно, может, завтра меня здесь уже не будет». И протянул Андрею ответно свою руку. Рукопожатие всё-таки состоялось.

Андрей весело подмигнул Ивану, немного этим его обескуражив, и плюхнулся обратно на сиденье мобиля.

– Административный корпус, – произнёс Андрей, и транспорт двинулся в нужном направлении.

Когда лестница оказалась за спиной, а две створки стеклянных дверей гостеприимно отъехали в разные стороны, Иван зашёл в просторный холл. Внимание привлёк высокий куполообразный потолок, через солнцезащитное стекло которого было видно глубокое синее небо. В нём плыло одно единственное, куцее, разодранное облачко.

– О, к нам гости! Очень, очень рады!

Опустив взгляд, Иван увидел улыбающееся лицо человека, так наигранно обрадовавшегося появлению незнакомца.

– Вы дежурный администратор? – обратился Иван к стоящему за стойкой в центре холла мужчине. Лысина с коротким чёрным ёжиком и тоненькие усики над верхней губой вызвали какие-то давние воспоминания о не менее давних кинокомедиях. Кого-то он напоминал, этот лысый владелец смешной растительности под носом.

– Он самый. Будем знакомы, Гектор Бухаровский. Вы немного удивлены моим видом? – администратор очертил пальцем контур своего лица.

– Нет, в принципе...

– Не переживайте, я уже давно привык, – выходя из-за стойки навстречу Ивану, продолжал говорить дежурный. – Но это мой стиль, понимаете? Сейчас уже все позабыли про стиль, но когда-то это было одно из главных понятий для любого воспитанного, современного, не лишённого вкуса, человека.

– Ясно. Современного, в смысле, того современного? – не зная, о чём ещё говорить, решил уточнить Иван.

– Совершенно верно, – ещё шире заулыбался Гектор Бухаровский. – А вы, я смотрю, налегке? Только сумка?

– Да, только сумка. Всё самое необходимое.

Резкая смена темы разговора совсем не смутила Ивана.

– Понятно. Значит, вы ещё не определились. По поступившей на вас информации, вы прибыли к нам в целях ознакомления, после перенесённой операции и получения инвалидности, как сотрудник ППБ запаса. Верно?

– Точно так, Гектор.

– Вам у нас понравится.

– Не сомневаюсь. Вообще-то, это первый пансионат, который я решил посетить. Других я ещё не видел.

– И не нужно, – заторопился администратор, – сравнивать «Байкальский» с другими – это пустая трата времени. Это я вам ни как сотрудник ППБ говорю, а как сугубо штатское лицо.

– Вы не ветеран и не инвалид, – начал догадываться Иван.

– В самую точку, – слегка прищурившись, ответил Гектор. – Вольнонаёмный труд по-прежнему востребован. А я прекрасный специалист в администрировании. Двадцать лет в гостиничном бизнесе, – ни без гордости заявил владелец испанских усиков.

– А сюда каким ветром?

– Программа защиты свидетелей. Слава богу, власть не забывает людей, оказавших ей посильную помощь.

«Одним словом – стукач», – пронеслось в голове у Ивана, но этого он озвучивать не стал. И Бухаровский почему-то сразу стал похож на пугливого чёрного таракана. И стали неприятны его маленькие чёрные бегающие глазки.

– Вам помочь с осмотром пансионата? – слегка кланяясь, спросил администратор.

– Нет, спасибо. Меня поведёт моя персональная гарнитура. Кстати, голос у вашей информационной системы мне понравился.

– Байкальская, – с гордостью произнёс Бухаровский.

– Ладно, счастливо оставаться на посту. Пойду дальше.

Иван махнул рукой администратору.

– Обращайтесь, если что. Всегда рад проинформировать.

– Не сомневаюсь...

И уже Иван хотел нажать на гарнитуру в своём ухе, чтобы получить дальнейшие инструкции для передвижения по пансионату, как Гектор неожиданно, словно его кто-то подпнул сзади, громко произнёс:

– Кстати! Обратите внимание! Сегодня в нашем пансионате вы не единственный гость!

– Новые кадры прибыли?

– Не совсем. Это наш старый знакомый. Когда-то появился у нас так же, как и вы, с дорожной сумкой, без планов, свободный, как ветер, с таким же ветром в голове. А сегодня вечером в нашем концертном зале состоится его выступление.

– Бывший сотрудник ППБ? – уточнил Иван.

– А вы бываете бывшими? – улыбнулся Бухаровский.

– Ну, вы поняли – в запасе, – слегка занервничал Иван.

– Точно так, – кивнул администратор. – Пять лет прошло, а человек стал совсем другим.

Приходите на концерт, не пожалеете. Он к нам частенько заезжает. Ностальгия, наверное...

– Поёт, что ли? Или танцует?

– Ни то и ни другое. Играет, – администратор замялся, явно вспоминая что-то, – на этом, как же его...

– На инструменте? – неловко подсказал Иван.

– Да, на инструменте, только название забыл. Большой такой, чёрный.

– Не понял, – теперь смутился Иван, – не на виртуальном, а на настоящем инструменте?

– Ну, да! Я потому и говорю: приходите на концерт. Когда по-настоящему играют – это такое шоу, вообще обалдеть! И вытворяет он такое... а что с сердцем делает!

– С чьим сердцем? – опять не понял Иван.

– Того, кто слушает.

Администратор как-то грустно улыбнулся. Ещё бы слезу пустил для большей убедительности.

– Да что я вам рассказываю. Это словами не передать.

– Неплохая реклама. Имеете долю с входных платежей? – Иван хитро подмигнул администратору.

– М-да, – только выдохнул Бухаровский, махнул рукой в сторону собеседника и вернулся на своё прежнее место за стойку.

Иван пожал плечами и, отвернувшись от явно расстроившегося из-за его непонятливости администратора, нажал на персональную гарнитуру в ухе. В ту же секунду приятный женский голос (всё тот же, чёрт побери) поинтересовался:

– Буду рада помочь вам, сотрудник запаса Блик.

– Можно просто Иван.

– Прошу прощения, но на территории пансионата сохраняется официальное обращение, предусмотренное нормами поведения и субординации в структурах силовых ведомств.

Иван почувствовал, как симпатия к этому приятному женскому голосу постепенно начала в нём таять.

– Вас понял, информатор «Базы Байкальская».

– Вы готовы к ознакомительной экскурсии?

– Да.

– Хорошо. Начнём.

В блестящих, светоотражающих поверхностях корпусов пансионата уже пылало заходящее солнце, когда осмотр всех достопримечательностей был окончен.

Непонимание Ивана недовольствами его самого первого знакомого на Байкальской земле, того, кто его встретил на перроне, сильно возросло. На территории этого роскошного пансионата было практически всё необходимое для человека, заслужившего отдых от напряжённой, тяжёлой службы по удержанию порядка. Лично ему, Ивану, сильно импонировала мысль о дальнейшем пребывании в пансионате «Базы Байкальская».

Обширные площади как крытых, так и открытых спортивных сооружений. Бассейны, тренажёрные залы, поля для игры в командные виды спорта. И главное – это тактические симуляторы. Самые последние, обновлённые и модифицированные гипнографикой, которая не идёт ни в какое сравнение с объёмной картинкой. Теперь «3D» казалось примитивной выдумкой. Иван слышал о последних разработках в этом направлении, а теперь своими глазами увидел именно такие, уже действующие тактические симуляторы нового поколения.

Простой человек, рядовой гражданин, мог отнестись к этой разработке, как к обыкновенной супертехнологичной игрушке, внутри которой можно побегать в полном обмундировании сотрудника ППБ, помахать шокером, пострелять паралитическими пулями, пометать сети силовых удерживающих полей. Только и всего. Развлечётся, одним словом.

Для сотрудника ППБ в запасе такой симулятор значил гораздо больше. Во-первых, и это самое главное, он давал возможность пережить заново минуты любимой работы, снова почувствовать себя в шкуре разъярённого, но справедливого монстра, останавливающего поток неуправляемого протеста. Ощутить в себе могучую силу сторонника правопорядка, борца против хаоса. Во-вторых, что тоже немаловажно, психологически разгрузиться. Потому что после такой напряжённой службы, как у сотрудника ППБ, отдых – это тоже стресс.

И никакие секссимуляторы не нужны. В этом Иван был уверен.

Говорили, что те, кто тестировал новые образцы тактических симуляторов, получали такой заряд адреналина и такую эмоциональную встряску, что за одну проведённую виртуальную операцию теряли до пяти килограммов собственного веса. Вот что творила эта гипнографика. Реальнее даже, чем во сне. Так говорили.

И ещё Иван понимал, что чтобы попробовать такой аппарат в действии лично, ему нужно остаться в этом пансионате. Женский голос в его гарнитуре уточнил, что такие симуляторы на данный момент есть только на территории их пансионата. «Ведь это лучший пансионат», – подчеркнул голос.

Нужно отметить, что с бытом здешних обитателей дела обстояли шикарно. У каждого своя персональная комната, укомплектованная необходимой техникой и электроникой. Приготовить пищу можно как в компании, в отведённом для этого корпусе клуба, в зале-ресторане, так и в одиночестве, в небольшой кухне-закутке, заранее заказав необходимые продукты. Ивану это было чуждо, – готовить он не умел и заказывал готовые блюда, а вот есть предпочитал в компании таких же, как он.

Подшли к зданию с необычным округлым фасадом. Стекло словно переливалось оттенками всевозможных цветов. Над центральным входом был изображён летящий человек с крылышками и с длинным горном.

– Церковь? – безразлично спросил Иван.

– Нет, – немедленно ответил голос, – это клуб весёлого досуга плюс концертный зал.

– Весёлого досуга? – переспросил Иван.

– Здесь обитатели пансионата могут в приятной обстановке отвлечься от рутинных будней, послушать музыку, посмотреть художественное или документальное видео. Но чаще всего к нам приезжают театральные труппы, музыканты, певцы...

– Погоди, погоди, – перебил Иван информатора, – я что-то не успеваю соображать. Ты имеешь в виду фильмы, как когда-то в старые времена, все вместе, как в кинотеатре? Так он, по-моему, назывался?

– Да, верно. Многим это нравится.

– А этот театр или музыканты – это всё живьём?

– Конечно.

– Но ведь можно смотреть в записи. Или трансляцию. Какая разница? Качество изображения и звука ничем не отличается от живого. Зачем вам это?

– Это вопрос не ко мне. Я этого тоже не понимаю.

Удивительно было слышать такие слова от бездушного информатора.

– И такое во всех пансионатах?

– Нет, только в нашем.

– Потому что вы лучший? – с иронией спросил Иван.

Голос замялся на секунду, но, всё же, ответил:

– Нет. Изменения произошли два года назад. Администрация пошла на уступки жителям пансионата.

– Это возможно? – вот теперь Иван удивился по-настоящему. – Но зачем?

– Пожелания жителей пансионата. Очень настойчивые. Это всё, что я знаю.

– Ясно.

– Мне осталось только показать вам ваш корпус и вашу комнату временного проживания, – с улыбчивой интонацией проговорил информатор. – Вы готовы проследовать?

Ивану вспомнились слова дежурного администратора, настойчиво приглашающего на сегодняшний концерт.

– А что сегодня вечером? Кто будет выступать? Мне сказали, что что-то удивительное, прямо фантастическое будет. Не в курсе?

Опять проскочила мелкая пауза. Как будто информатор думал: отвечать Ивану правду или что-нибудь соврать. Наконец, голос ответил:

– Вообще-то, мне всё равно, кто выступает сегодня в клубе...

«Ещё бы, – подумал Иван, – ты ведь всего лишь система».

– Но информацией располагаю.

– Нисколько не сомневался, ведь ты – информатор. Можно узнать о концерте подробнее? Кто выступает?

– Алмаз Бумагин, сотрудник ППБ в запасе, бывший обитатель пансионата «Базы Байкальская». Это вся информация, которой я располагаю.

– Что значит, бывший? – решил уточнить Иван. – Я не ослышался?

– Нет, не ослышались, – чётко ответил голос. – Три года не проживает постоянно ни в одном из пансионатов, находящихся в юрисдикции силового ведомства.

– Такое возможно? – не унимался Иван.

– Возможно.

– То есть, он в свободном полёте?

– Нет, он по-прежнему приписан к силовому ведомству.

– Не понял...

– У него концертная деятельность.

– Чего? – вырвалось у Ивана.

– Это вся информация, которой я располагаю, – опять повторил информатор.

Повисла продолжительная пауза, так как Иван был обескуражен тем, что услышал о человеке по имени Алмаз Бумагин.

– Отправляемся смотреть временное жильё? – разорвал молчание голос в гарнитуре.

– А концерт скоро? – неожиданно поинтересовался Иван.

– Через полчаса. Зрители уже собираются.

Иван обернулся и заметил шагающих мимо него по направлению к входу в клуб людей разного возраста, одетых в костюмы разного покроя и цвета. Они улыбались, перекидывались между собой фразами и смеялись. Атмосфера царила непринуждённая, как перед началом радостного, светлого праздника.

И в ту же секунду Ивану захотелось на концерт. Послушать этого загадочного музыканта с таким прочным именем, окунуться в мир ему не ведомый, в котором не приходилось бывать ещё ни разу в жизни.

– Я пойду на концерт, – уверенно произнёс Иван.

– Вы интересуетесь фортепианной музыкой? – удивлённо произнёс голос.

– Фортепианной? – переспросил Иван.

– Да, это когда играют на рояле.

– Тогда, может быть, рояльной музыкой?

– Рояль и пианино относятся к разделу музыкальных инструментов с общим определением – фортепиано.

Иван почувствовал в голосе информатора лёгкую издёвку. Словно он был готов вот-вот рассмеяться над примитивным невежеством Ивана.

– Алмаз Бумагин исполняет музыкальные произведения на рояле.

– Понятно, – приглушённо отозвался Иван.

Ему и вправду почему-то стало неловко за себя. Хотя, вряд ли его виной было то, что он ни разу в жизни не видел ни рояль, ни пианино. Может, только слышал, да и то мельком.

– Всё ещё хотите побывать на концерте? – надменность сквозила в интонациях информатора.

– Да, очень хочу, – решил не сдаваться Иван. Любопытство взяло верх над смятением и нерешительностью. И это правильно, – не будь он сотрудником ППБ!

– Не буду отговаривать, – сдался голос.

– Да мне просто интересно.

– О наличии слуха и музыкального вкуса не спрашиваю. С моей стороны эти вопросы были бы не корректны.

– Слух у меня прекрасный, – явно не понимая, о чём идёт речь, ответил Иван, – а со вкусом, думаю, разберусь.

– Великолепно. Не буду мешать восприятию возвышенного. До встречи после концерта. Буду рада сопроводить до места вашего временного проживания. Спасибо.

И в гарнитуре раздался еле слышимый щелчок.

– Пожалуйста, – всё же ответил Иван. И, присоединяясь к шагающим в корпус клуба, произнёс вслух:

– Фортипианная музыка! Подумать только!

Войдя в здание клуба через прозрачную вращающуюся дверь, он оказался в просторном зале, наподобие того, в котором произошёл разговор с Гектором Бухаровским. Но здесь освещение было в основном искусственное. Да и оно было только для того, чтобы не споткнуться об столы и стулья, расставленные на первый взгляд хаотично по всему залу перед округлой сценой, скрытой на данный момент серебристым, слегка мерцающим занавесом.

Кто-то из вошедших уже сидел за столиками, кто-то только рассаживался. Все оживлённо беседовали, заказывали коктейли и закуски, произнося названия и количество прямо в поверхность стола, в специальном люке которого через небольшое время появлялся заказ. То здесь, то там слышались дружеские подтрунивания и открытый мужской смех. Взаимоотношения, как в большой дружной семье из нескольких поколений, – так представилось Ивану.

Здесь, в полутьме зала, на него почти никто не обращал внимания. И это Ивана вполне устраивало. Знакомств на сегодня ему хватало.

Неожиданно разговоры вокруг стали стихать, переходя в шуршание разрозненных шепотков. Мерцание занавеса стало ползти куда-то вверх, открывая вид сцены со старинным, массивным инструментом чёрного цвета посередине, выхваченного из полумрака лучом белого света. Иван поспешил занять свободное место, чтобы не торчать истуканом и не привлекать излишнего внимания. Похоже, что действие начиналось.

На сцене, рядом с инструментом появился курчавый, со смуглой кожей человек в странном чёрном костюме. Пиджак спереди был короток, а сзади свешивались два куска материи, как хвост у двухвостки. Ивану этот наряд показался очень забавным. Да, ещё эта чёрная бабочка на белом узком воротничке. Этот смешной человек улыбался Ивану и всем, кто сейчас сидел перед ним за столиками.

Со всех сторон зазвучали аплодисменты и возгласы приветствия. То ли люди в зале были рады новой встрече, то ли, как и Ивану, им стало весело от одного только вида этого, наверное, музыканта. Иван неожиданно для себя тоже заулыбался и начал аплодировать. И почему-то это было ему приятно. Чёрт побери, но ему действительно нравилось сейчас хлопать в ладоши вместе со всеми.

Вдруг человек на сцене поднял вверх руку, призывая остановить хлопки, и тут же заговорил.

– Я приветствую всех в этом зале, – звучал уверенно голос, усиленный каким-то невидимым устройством.

Аплодисменты стихли и музыкант продолжил:

– В этом году я приезжаю к вам уже в третий раз. И я рад тому, что ещё не надоел вам своей музыкой.

В полумраке зала раздалась смешки, присвисты, дружелюбные возгласы, один из которых Иван разобрал чётко:

– И мы тебе рады, Алмаз! Оставайся!

– Очень плотный график, друзья, – продолжил, улыбаясь, Алмаз. – Но обещаю, я не забуду о том месте, где для меня начался мой творческий путь. Спасибо всем тем, кто поддерживал меня пять лет назад, спасибо «Байкальской»!

– Спасибо тебе!

– А теперь – музыка!

Снова зал захлестнул грохот аплодисментов. Казалось, что теперь количество присутствующих волшебным образом увеличилось, по меньшей мере, втрое. Этого человека, этого музыканта, действительно ждали.

Как только Алмаз Бумагин оказался перед тем самым большим чёрным инструментом, уселся рядом с ним на продолговатый стул, откинул крышку, видимо, чтобы извлекать звуки непосредственно из недр музыкального монстра, в ту же секунду зал полностью стих. Ивану показалось, что он начал слышать свет, тусклыми и рассеянными потоками заполняющий пространство над столиками. Он обернулся вокруг и увидел, что глаза всех людей были сейчас обращены исключительно в сторону сцены. И для него это было очень необычно, диковинно. На столько, что у него самого что-то замерло внутри. И он тоже стал смотреть на человека, только что пообещавшего всем музыку.

Плавно Алмаз поднял обе руки перед собой и медленно, словно они совсем ничего не весили, опустил их на инструмент. И инструмент зазвучал.

И в то же мгновение мир вокруг Ивана почему-то куда-то поплыл. Он как бы ещё был, но начинал медленно растворяться в потоке звуков, несущихся со всех сторон и проникающих прямо в сердце.

Далёкая, едва различимая в калейдоскопе удивительных переживаний мысль мелькнула в голове: «Так вот о чём говорил дежурный администратор, вот что это значит...». И сознание поплыло дальше, рисуя в воображении непонятные, но восхитительные образы. И всё Ивану стало казаться таким простым и понятным, таким удивительно логичным и светлым. И как раньше он не понимал этого? Странно.

Иван летел на небольшом острове, в окружении больших, высоких красивых цветов, благоухающих безумно-восхитительным ароматом, а вокруг его головы порхали абсолютно разные, воздушные, разноцветные бабочки. В какое-то мгновение он стал различать голос другого человека, летящего примерно на таком же острове по соседству. Иван смутно видел, что губы соседа-островитянина еле-еле шевелились, донося его шёпот, который, почему-то, врвался в одно ухо Ивана громогласным эхом.

– Как тебе? – прогремел вопрос. – Не музыка, а прямо волшебство какое-то! Точно?

Мир, в котором только что парил Иван, стал расползаться, словно синтетическая ткань, обильно спрыснутая растворителем. А орущий шёпотом человек стал быстро приближаться, пока не оказался вплотную у лица Ивана. И только теперь он его окончательно узнал. Это был Андрей Белов. Тот самый беспокойный обитатель пансионата.

– Я говорю, шоу потрясающее! – снова произнёс Белов прямо Ивану в лицо.

Жутко захотелось в ту же секунду со всей дури вмазать этому... появившемуся откуда ни возьмись, этому первому знакомому, прямо промеж глаз. Зачем ему понадобилось выдёргивать Ивана из этого прекрасного мира грёз.

– Да, – стиснув зубы, сдерживая себя, сказал Иван, – потрясающе. Я не ожидал.

– А я смотрю, ты как каменная статуя сидишь. Замер, как замороженный. Даже взгляд в одну точку, – с дурной улыбкой, с непонятным блеском в глазах, совсем близко придвинувшись к Ивану, зашептал Белов. – В трансе был? Медитировал?

– Не знаю. Наверное. Я вообще первый раз такое слушаю, – нехотя ответил Иван.

– Да, я так и понял...

Раздались финальные аккорды волшебного инструмента, и зал в то же мгновение взорвался лавиной аплодисментов и выкриками слушателей.

– Здорово! Молодец! Вау! – и всё в том же духе.

Теперь уже в полный голос, чтобы его можно было слышать через хлопки, Белов неожиданно спросил:

– Хочешь поговорить с ним?

– С кем? – не понял Иван.

– С Бумагиным, вот с ним? – и Андрей указал в сторону сцены, на которой сейчас кланялся улыбающийся музыкант.

– А зачем? – с чувством загнанного в тупик, упирался Иван.

– Слушай, братишка, – Белов слегка прищурился, – я же не слепой. Я же видел, как ты слушал его исполнение. Тебя же вообще в этом зале не было. Неужели не хочешь с ним парой слов перекинуться? Ну, спросить что-нибудь?

До Ивана стала постепенно доходить суть предложения. Словно он возвращался из розовой, полупрозрачной дымки назад на Землю.

– Вообще-то, да, хочу с ним поговорить, – уверенней заговорил Иван. – Было бы здорово перекинуться, как ты говоришь, парой слов. Я ведь раньше ничего такого не слышал...

– Всё, я тебя понял, – с довольной интонацией в голосе перебил Ивана Белов. – Встречу я тебе организую.

– Когда?

– Да прямо сейчас!

И Белов схватил удивлённого, ещё не отошедшего в полной мере от впечатлений Ивана, и потащил в сторону сцены.

– Прямо сейчас? – обескуражено поинтересовался Иван.

– А чего тянуть-то? Он обычно после концерта сразу уезжает, даже не ночует. Очень плотный концертный график. Давай, давай, не тормози. Потом мне ещё спасибо скажешь.

Через дверь рядом со сценой прошли в длинный коридор с множеством дверей по обе стороны. На одной широкой двери большими, заметными буквами было написано: «Выход на сцену». Возле неё и остановились.

– У тебя глаза круглые, как две монетки, – с ухмылкой, глядя на Ивана, сказал Андрей. – Отойти ещё не можешь.

– Неловко как-то, – признался Иван и громко сглотнул слюну.

Андрей при этих словах только мотнул головой и снова хитро улыбнулся.

Было слышно, как прекратились аплодисменты, смолкли свистки и выкрики. И вот дверь распахнулась и в коридор, из полумрака, озаряемого неясными всполохами освещения зала, вышел Бумагин. Он ещё улыбался, глаза искрились. И было понятно, что ему безумно нравится то, чем он занимается.

– Привет, Алмаз! – тут же поздоровался Андрей, протягивая вперёд руку.

Бумагин без промедления пожал её и, переведя взгляд на Ивана, сказал:

– И вам привет! Слушали?

– Да, – с непонятно откуда появившейся в голосе хрипотцой ответил Иван.

– Понравилось?

На этот раз Иван просто кивнул головой.

– Новый поклонник твоего таланта, – решил ответить за Ивана Андрей. – Ты бы видел его состояние, когда он слушал твоё исполнение.

– Да? – сдвинув брови, улыбнулся Алмаз. – Интересно. Но для начала давайте, всё же, познакомимся. Алмаз Бумагин.

Алмаз протянул Ивану руку.

– Иван, – всё тем же хрипом выдавил из себя Иван, совершая рукопожатие.

– Свеженький, сегодня прибыл, – решил выложить дополнительную информацию Андрей, – выбирает себе тёпленькое местечко для пансиона по инвалидности. Мы оказались первыми в его списке инкубаторов спокойствия и догнивания отработанной человеческой плоти...

– И ничего я не выбираю, – недовольно буркнул Иван. – Мне просто интересно.

– Ты его, Иван, не слушай, – чуть не смеясь, сказал Алмаз, – у Андрея своеобразный взгляд и на людей, и на окружающий его мир. Про него все говорят, что человек он неплохой, но желчи в нём многовато.

– Да, многовато, – подтвердил Андрей, – но я ни под кого подстраиваться не собираюсь.

– И не нужно, – Алмаз похлопал его по плечу. – Ты нас и такой устраиваешь. Правда, Иван?

– Да, конечно, – закивал Иван. – Очень внимательный. Он меня утром и на станции встречал, вместе до пансионата ехали.

– Понятно, – довольно глядя на Андрея, сказал Алмаз. – Ну, вот и хорошо. Познакомились.

– И ещё хотим побеседовать! – настойчиво, глядя как-то исподлобья, произнёс Андрей. Теперь Алмаз посмотрел на Андрея с нескрываемым удивлением.

– Побеседовать? – коридорным эхом, переспросил он.

– Да, Алмаз, побеседовать, – опять повторил Андрей, как бы в подтверждение своих слов медленно кивая головой.

Иван совершенно перестал понимать, что сейчас рядом с ним происходит.

– Я, в принципе, не настаиваю. Меня Андрей потащил, – начал оправдываться он.

– погоди! – остановил его Андрей, – я знаю, о чём говорю.

И снова обратился к Алмазу:

– Я думаю, что это как раз тот человек, о котором мы с тобой говорили, помнишь?

– Тот человек, – задумчиво произнёс Алмаз.

– Мне кажется, что да. Именно он тебе нужен.

– Ну, не мне конкретно. Ты ведь тоже помнишь, о чём я говорил?

– Я помню, – подтвердил Андрей. – Так, может быть, ты проверишь парня? Может, я не ошибаюсь?

Повисла пауза. Алмаз опустил взгляд в пол, что-то обдумывая.

Иван чувствовал себя бесправным животным, готовым в любую секунду отправиться на жертвенник. В горле пересохло, а мысли словно выдуло сквозняком.

– Ладно, хорошо, давайте поговорим, – неожиданно быстро заговорил Алмаз. – Давайте, что ли, в гостевой комнате?

– Отлично, – согласился Андрей. – Я вас провожу, а там уж вы сами.

– Хорошо, хорошо, – от прежней улыбки Алмаза не осталось и следа, – если ты так настаиваешь.

– Проверить не помешает. Тебе ведь это важно, сам говорил, – уже ведя за собой по коридору, спиной к спутникам, говорил Андрей.

Становились возле ещё одной широкой двери, рядом с которой на стене красовались два слова: «Гостевая. Переговорная». Андрей открыл дверь, но сам войти не стал. Лишь, отступив в сторону, предложил войти.

– Минуты три-пять, а потом можете начинать, – загадочно произнёс Андрей, глядя на Алмаза.

– Понял, – спокойно ответил тот и вошёл в комнату. Иван зашёл следом.

Андрей быстрым шагом скрылся в известном только ему направлении. Дверь комнаты закрылась. Алмаз и Иван молча расположились напротив друг друга в широких, удобных креслах коричневого цвета под кожу. Под прозрачной столешницей панорамного стола, стоящего между ними, плавно металась разноцветные всполохи, похожие на северное сияние. Обстановка скорее располагала к релаксации, нежели к серьёзному разговору.

– А чего ждём? – не выдержав молчания, спросил Иван.

Алмаз лишь кивнул в ответ и показал раскрытую ладонь, что, мол, спокойно, сейчас всё объясню. Пришлось тоже молча кивнуть, давая понять, что согласен ждать, хотя и не понятно чего.

Просидели в тишине действительно минуты три или пять, когда у Алмаза что-то тихонько запищало в нагрудном кармане, из которого торчал треугольник белой, непонятно для чего предназначенной, ткани. Алмаз засунул в карман два пальца, нажал на что-то и писк прекратился.

– Теперь мы можем спокойно обо всём переговорить.

– Что там у вас? – тут же поинтересовался Иван.

– Портативный передатчик с невероятно высокой и плавающей частотой. Передаёт простой сигнал, тот самый писк, который ты слышал.

– Можно на ты?

– Думаю, даже нужно.

– Условный знак? – Иван спрашивал дальше.

– Да, верно.

– Но зачем? Прямо игра в заговор! Молчали, потом сигнал. Ещё и разговаривать будем о чём-то. Может быть, вы хотите втянуть меня во что-то противозаконное?

– Ну-ну-ну, – поспешил остудить пыл Ивана Алмаз. – Мы ведь в пансионате. Что тут может быть противозаконного?

– Не знаю, потому и спрашиваю. Мне, вот, Андрей с самого начала показался очень подозрительным. При всей своей лояльности к существующей власти и форме правления нашего государства, а так же Азиатского Единства, я должен тебя предупредить, Алмаз...

– Что же ты так гонишь лошадей! Я хотел поговорить с тобой о музыке.

– О чём? – не понял Иван.

– О моей музыке. О той, что я играл сегодня в зале, а ты слушал. Ты ведь слушал музыку, которую я играл?

– Ну, да, конечно.

Иван чувствовал, что снова теряет суть происходящего. Причём здесь музыка? И внешний вид, и выражение лица, видимо, более чем ясно давали понять Алмазу, какой бардак сейчас творится в мыслях Ивана.

– Ладно, хорошо. Давай по порядку.

– Очень хотелось бы, – с тенью ухмылки произнёс Иван.

– Тогда начну с того, что я такой же, как и ты, Иван, инвалид, сотрудник ППБ в запасе.

– Вообще-то, я в курсе. Мне немного о тебе уже рассказали. Ты был жителем этого пансионата.

– Верно. Именно отсюда и началась моя концертная деятельность. Но ты не знаешь главного. Как ты думаешь: инвалид какой я категории? Посмотри на меня внимательно. Тебе не рассказали, чего именно я инвалид? Как я пострадал на службе, охраняя интересы и спокойствие правительства Азиатского Единства?

Иван замялся с ответом. Ничего конкретного про Алмаза ему не рассказывали. Даже имя его он узнал не сразу. Музыкант, артист, бывший житель пансионата, инвалид, и всё. Перед Иваном на таком же, как и под ним, кресле сидел дружелюбного вида человек в смешном чёрно-белом наряде, с непонятным куском чёрной материи, похожей на праздничный бантик, помещённый на шее под подбородком. Алмаз сидел спокойно и ровно. Его руки покоились на слегка раздвинутых коленях.

– Мне трудно предположить, – наконец, заговорил Иван. – Много чего происходит во время операций подавления. Может быть, у тебя пластилмозовая пластина вместо лобной кости. Как я могу это заметить? У меня, вон, ступней обеих нет, а я довольно сносно передвигаюсь. Никто сразу и не замечает.

– Да, это верно, я не заметил, – искренне удивился Алмаз. – Ну, что же. А у меня вот нет обеих кистей рук.

– Чего? – переспросил Иван. – Чего нет?

– Кистей рук, – с прежним спокойствием произнёс Алмаз.

– А как же ты тогда?.. – не завершив фразы, Иван выставил перед собой руки, перебирая в воздухе пальцами.

– Играю?

– Вот именно!

– Ну, ты же ходишь. – Алмаз указал пальцем на ноги Ивана и подмигнул.

– Ты что, серьёзно? Как это можно сравнивать?

– Можно, Иван. Даже нужно.

Теперь Алмаз заговорил абсолютно серьёзно.

– Смотри, это всего лишь протезы.

Измумлению Ивана не было предела. Алмаз взялся одной рукой за другую, что-то слегка щёлкнуло и, через мгновение, вытащенная из рукава левая кисть оказалась в правой.

– А теперь внимание. Оп-ля!

И Алмаз, вернув на прежнее место левую кисть, проделал то же самое с правой.

– И это не фокус. Это мои рабочие, музыкальные, если хочешь, творческие протезы.

Наконец, кисти обеих рук оказались на своих привычных местах, и в ту же секунду Алмаз продемонстрировал Ивану, что все его пальцы в полном функциональном порядке.

– Шевелятся, – подтвердил Иван, – но на фокус, всё же, похоже.

– Да, теперь я могу показывать фокусы. А своими родными не мог.

– А с ними что стряслось? Если это не тайна? Мне миной, вот, рубануло, – словно предлагая обмен, – поделился информацией о себе Иван.

– Мина с дисковым эффектом, ограниченного радиуса действия, – кивнул Алмаз, – жестокая вещица, наслышан. Главное, рядом с ней не упасть на колени.

– Или попытаться послушать асфальт.

Алмаз оценил своеобразную шутку. Оба улыбнулись.

– А у тебя случайная детонация? – предположил Иван.

– Тогда мне, возможно, ещё понадобился бы протез головы.

И опять оба улыбнулись.

– Нет, всё проще, – продолжил Алмаз, – меня вытащили из-за оборонительного укрепления тактических щитов...

– Такое возможно? – возмущённо удивился Иван.

– Это была уникальная толпа. Такого возмущения я ещё не встречал. Это были рабочие тоннелестроители. Чего уж они требовали, нам, естественно, не доложили. Мы просто выполняли свой долг, свою работу. Так вот, где-то в линии щитов у нас случился разрыв. Меня молниеносно выхватили из цепи и как щенка, передавая из рук в руки, осыпая градом ударов, куда-то потащили. Я ещё что-то мог соображать до того момента, когда с меня сорвали защитный тактический шлем. Потом я потерял сознание.

– Не представляю, как тебе вообще удалось выжить.

Иван нахмурил брови, а в уголках глаз появились суровые складки.

– Убивать они меня не хотели. Может, просто побоялись. А, может, хотели что-то доказать. Теперь для меня это уже не важно. Мне просто напросто размолотили кисти в кашу прутьями арматуры. Боли, как ни странно, я практически не чувствовал. Наверное, адреналин в крови заглушил. А вот как кто-то орал, помню.

– Что орал?

– «Теперь ты не сможешь бить нас своей дубинкой, и щитом закрыться не сможешь!». Ну, и ещё масса того, чего я не смогу.

– Это просто жестокость, обыкновенная злоба, ненависть к порядку и существующей системе, – кивнул Иван.

– Да, наверное, может быть, – согласился Алмаз. Однако в глазах мелькнуло что-то вроде вопроса. – А ты, Иван, крепкий орешек.

– Приятно слышать. Что, так заметно?

– Быстро избавился от посттравматического синдрома. Вон у тебя какой огонь в глазах!

– Это, скорее, во мне воспитание искры пускает. Этот огонь ещё с детства в моей душе горит.

– Значит, есть у тебя душа?

– Что? Причём тут душа?

– Ты сам сказал, я просто переспросил.

Не очень нравилась Ивану тема, затронутая в разговоре.

– Я к слову. Лучше давайте ближе к сути. О чём вы хотели меня спросить?

– Хорошо. Опять с начала...

– Вот именно, – недовольно буркнул Иван.

– В тебе, Иван, есть задатки музыканта. Если ты слушал музыку, и она смогла на тебя оказать такое воздействие, значит, ты способен, как и я, воздействовать на других людей посредством звуков, с помощью музыки.

– Да что ты, я даже на инструментах никогда не играл, – смутился Иван, – вообще ни на каких.

– Ух ты, удивил, – Алмаз наигранно всплеснул руками, – я бы и сам догадался. В наше время мало уделяют внимания такой стороне дела, как культурное и, в частности, музыкальное образование. Вот считать прибыль с предприятия и экономить на социальных отчислениях, это да!

– А ты, Алмаз, видать музыкой-то с самого детства занимаешься. Так шпаришь, я чуть в космос не улетел. Таких галюнов словил.

– Серьёзно? – прищурился Алмаз.

– Абсолютно, – ответил Иван

– Значит, если я смог, то и ты сможешь. Я не играл на фортепиано с детства. Мало того, я начал играть только пять лет назад, когда получив инвалидность, встал перед выбором: остаться на попечении государства в этом самом пансионате, либо заняться чем-то своим. Прямо как у тебя, точно?

– Ну, да, типа того, – нехотя согласился Иван. – Но как же тебе удаётся так мастерски играть? Это ведь как чудо.

– Согласен. Чудо современной нейромедицины и биологических молекулярных технологий. Причём, это уже мои четвёртые руки, самые творческие.

– Ого, а чем же тебе первые не понравились?

– Первые протезы годились разве только что для разучивания гамм.

– Не знаю что это такое, но понимаю, что играть ты хотел сильно.

– Тогда мне это казалось чем-то недостижимым. А характер у меня не мягче твоего. Я решил, во что бы то ни стало, научиться играть на фортепиано.

– Поздравляю, тебе это удалось, – съязвил Иван, но Алмаз не обратил на это внимания.

– Я научился играть за полгода. Спроси любого, кто обитает здесь не меньше пяти лет, как я считался первое время чем-то вроде дрессированной мартышки. У меня была восхитительная техника. Я играл сложные произведения. Начались концерты в других пансионатах. Меня даже прозвали «беглые пальцы» из-за того, что я всё время был в разъездах. Плюс появились выступления для служащих из других министерств и подразделений. За свою работу я начал получать деньги. Многие хотели посмотреть на чудо перевоплощения, случившееся с инвали-

дом ППБ. Слава бежала впереди меня! «Грубое создание для подавления бунта творит возвышенное искусство»... А по сути – та же мартышка.

Иван наморщился, выказывая своё несогласие с услышанным мнением.

– Но всё равно, я чувствовал, что что-то в моей игре не то, чего-то не хватает...

Возникла пауза. Алмаз не смотрел на Ивана. Его мысли витали где-то за стеклянным куполом здания.

– Чего? – осторожно спросил Иван.

– Вдохновения, – тут же откликнулся Алмаз, словно ждал вопроса. – Полёта души. Воображения. Фантазии.

– Того, что произошло со мной? – предположил удивлённо Иван.

– Да, примерно того, о чём ты говорил. И мне хотелось, чтобы музыку, которую я играю, могли чувствовать все, кто её слушает. Понимаешь?

– Это называется массовый психоз. Как на несанкционированном митинге или спонтанной забастовке недовольных горняков. Как в прошлом месяце на Камчатке целых три предприятия...

– Нет, Иван, это совсем не то, – перебил Алмаз, – никакого негатива. Только хорошие мысли, только добрые фантазии. Чтобы сердце пело.

Иван молча глядел на Алмаза.

– Не понимаешь?

– Нет.

– Но ты ведь испытал именно то, о чём я тебе рассказываю.

– Может быть... я не уверен...

– А вот Андрей, – Алмаз махнул в сторону двери, – почему-то уверен. Иначе бы он тебя ко мне не привёл. И я теперь уверен. У тебя глаза не врут. Я же вижу!

– Ну, а дальше-то что было? – решил долго не задерживаться в беседе на этой теме Иван. – Ты заказал себе руки с вдохновением? Или, может, с функцией гипнотического воздействия на слушателей?

Он даже улыбнулся своему предположению. О таких технологиях ему известно ещё не было. Но Алмаз не улыбнулся в ответ, а спокойно ответил:

– Почти в десятку. Но без гипноза. Я обратился к разработчикам моих протезов с предложением о некоторых усовершенствованиях и модификациях. Средства, чтобы оплатить все биологические и технические испытания, у меня тогда уже имелись. Я хорошо получал за своё умение и демонстрацию возможностей. Бывший сотрудник ППБ, ставший инвалидом, но не потерявший жизненных ориентиров.

Иван заметил скептические интонации в словах Алмаза.

– Разве это не так?

– Это прекрасный лозунг, но не более того. Да, я сумел найти себя, я стал музыкантом и способен давать людям наслаждение музыкой. Но посмотри вокруг, – голос Алмаза стал звучать ниже, более жёстче и увереннее, – эти сотрудники в отставке, эти инвалиды, типа тебя и меня, превращающиеся в овощи на щедро удобренной грядке, которым даётся всё, только бы они были довольны, и спокойно продолжали жиреть и тупеть в этом и в похожих на этот пансионатах. И если бы ты меня спросил: «Остаться здесь или заняться чем-то ещё?», то я бы проорал бы тебе в ответ: «Беги! Уноси ноги! Занимайся чем угодно, но только не оставайся в этой компостной куче, которая превратит тебя в существо с глазами и ушами, не способного выбирать свой собственный путь. Судьбу!».

Около минуты оба сидели молча. Иван обдумывал услышанное. Он был потрясён. Ничего подобного он услышать не ожидал. Он, конечно, задумывался о выборе, но не пытался в своих мыслях копнуть так глубоко.

– Я подумывал заняться чем-то своим, – наконец, заговорил Иван. – Но я даже не представляю, чем.

– А не хочешь заняться тем же, чем и я? – неожиданно спросил Алмаз.

– Я? Почему именно я? – оторопело заговорил Иван. – Кто вам сказал, что я смогу? Музыкой! Да в жизни ничем подобным... Я даже не знал что такое фатерпьяно до сегодняшнего дня.

– Фортепиано, – поправил Алмаз. – А это и не важно.

– Как не важно? У меня отец вообще работяга!

– Ну, это уж совсем ни при чём. Важно то, что ты слышишь, то, что ты чувствуешь, когда звучит музыка. Она начинает звучать внутри тебя. И тогда ты способен донести всё её волшебство, всю её магию до любого, кто находится с тобой рядом.

– А зачем это нужно?

– Чтобы мир стал добрее. Это же просто.

– А мне это зачем? – не унимался Иван.

– А разве тебе не надоело быть винтиком? – вопросом ответил Алмаз. – Разве ты сам не хотел бы стать добрее? Тебя самого всё устраивает в себе самом? Ты не задавался таким вопросом?

– И не только этим, – смущённо произнёс Иван. – А тебе это зачем?

– С недавнего времени я понял, что в состоянии делать людей немного добрее, и чувствую, как мир вокруг меня начинает изменяться. В лучшую сторону. Но одному человеку многого сделать не под силу. Мне нужны такие, как ты. Им нужны такие, как мы, – и Алмаз обвёл вокруг себя рукой, указывая явно на всех-всех людей на планете Земля.

– Ты всерьёз думаешь, что в состоянии изменить людей? Изменить мир?

– Не всех и не весь. Я не идиот. – Алмаз заулыбался. – Когда мы усмиряли с тобой недовольных или разгоняли массовые волнения, подавляли забастовки, тогда мы изменяли людей?

– Скорее, причёсывали. Ставили на место.

– Они становились ещё злее, ещё непримиримее. Некоторые шли до конца, пока не попали на пожизненные работы или не гибли в столкновениях.

– Такое случалось, – подтвердил Иван.

– Они менялись, Иван, менялись. Только в худшую сторону. Злоба и ненависть, словно чёрная дыра, притягивает ближе и ближе, пока совсем не заглохнет с потрохами. Может быть, я слишком сгущаю краски, утрирую ситуацию...

– Да нет, в общем-то, ты прав, – кивнул Иван. – Я и сам иногда думал об этом. А ещё задавался вопросом: куда это всё катиться? Но я всегда был верен своему долгу.

– Я не сомневаюсь, – кивнул в ответ Алмаз, – другие в нашем подразделении и не служат. Долг превыше всего. Но сейчас, ведь, ты ушёл в запас.

– Не бывает бывших сотрудников ППБ, – уверенно повторил прописную истину Иван. – Долг и честь!

– Я не предлагаю тебе идти в разрез с твоими убеждениями и чувством долга. Я предлагаю тебе стать творцом, помогать людским душам обретать добро, становиться лучше пусть на небольшие промежутки времени, на одно твоё выступление. Но они хотя бы будут знать, что в них это тоже есть – этот свет, это сияние доброты и возвышенного счастья. Пусть они знают!

Снова замолчали. Алмаз явно не торопил. Ждал, когда Иван заговорит первым.

– Мне что, теперь ещё и руки нужно будет ампутировать? – спросил Иван.

– У тебя нет ступней на ногах, – с усмешкой ответил Алмаз, – этого и так достаточно.

– Вы мне предлагаете играть на... на инструменте ногами?

– Давай, я всё-таки объясню, как функционируют мои протезы, – улыбаясь и вертя головой из стороны в сторону, заговорил Алмаз, – я же сразу сказал, что это технологии, а не какие-нибудь чудеса.

– Ладно. Слушаю внимательно.

– Первые мои руки были абсолютно роботизированные. Они получали информацию от мозга, который в свою очередь получал её от глаз, читающих ноты. Я лично участвовал, конечно, в процессе игры на инструменте, но только как владелец глаз, компьютера в моей черепной коробке и двух культей. Через нежную кожу недавно заживших обрубков кисти считывали всю информацию, посылаемую мозгом, и играли. Мне даже водить руками из стороны в сторону не нужно было. Пальцы сами вели руки в нужном направлении. Я смотрел на все манипуляции сверху вниз, на клавиатуру фортепиано, и иногда просто обалдевал. Как во сне. Я переставал смотреть на ноты, и руки тут же переставали играть. Сейчас я уже не могу повторить такой трюк.

– То есть, ты, не зная нот, мог играть на фортепиано? – уточнил Иван.

– Ага, – спокойно подтвердил Алмаз и продолжил:

– Но со временем я выучил ноты, нотную грамоту, стал разбираться в нюансах нотного текста. Захотелось творить. Чтобы то, что я играл, звучало не просто по написанному, а от сюда! – и Алмаз положил ладонь на грудь.

– То, о чём ты уже говорил...

– Да, точно. Но для этого нужны были протезы, которыми мог бы управлять я, а не они мною. Мне изготовили такие, отключив функцию автоматического воспроизведения, оставив передачу информации. Это был неудачный эксперимент.

– Отказались играть руки? – осторожно предположил Иван.

– Как раз таки нет. Играли, как заведённые. Всё точно, чётко. Как машина. Ни красок, ни настроения, ни души. Голые ноты. Я помучился примерно месяц. Всё пытался найти какие-то ниточки между собственными ощущениями, фантазией и этими двумя «музыкальными машинками». Бесполезно! А потом до меня вдруг неожиданно дошло. Нужно перенастроить поток информации, который шёл от головного мозга. Чтобы он шёл не от мозга, а от сердца!

– К тебе ещё и вовнутрь лазили? – Иван показал на грудную клетку Алмаза. Тот поморщился, явно недовольный глупым вопросом.

– Да ни к чему это, я же объяснял. Не будь современных технологий в ортопедии, то, думаю, ты и сам не скоро бы пошёл самостоятельно.

– Понял, да, не подумал, – быстро проговорил Иван, словно извиняясь.

– Так вот, перенастройка прошла успешно. Но это было что-то сродни эволюции. Как будто я шагнул на ступень выше. Теперь это вовсе не протезы, теперь они скорее имплантаты – искусственное продолжение моего тела. И даже, можно сказать, моего сердца. Ведь выяснилось, в конце концов, что музыку я играю именно сердцем.

– Круто! – вырвалось у Ивана.

– Да, я тоже так думаю, – согласился Алмаз, довольно улыбаясь от того, что сумел произвестить такое впечатление.

– А зачем ещё четвёртые руки? Ну, четвёртые имплантаты?

– А, – с ухмылкой махнул рукой Алмаз, – это всего лишь облегчённый вариант. Заработал на концертах достаточно азио и заказал точно такие же, только полегче. Сейчас у меня руки как будто парят над клавиатурой. И ещё, что не мало важно, эффект от музыки куда улётнее.

– Это точно. Это я сегодня на себе испытал. Никогда со мной такого не было.

– Значит, понравилось?

– Очень.

– Вот поэтому я тебе и предлагаю стать музыкантом.

– Кем? – не совсем понял Иван.

– Исполнителем, – уточнил Алмаз, – играть на музыкальном инструменте. Задатки у тебя есть. Ты сам это подтвердил.

– Я же уже спрашивал: что я могу ногами?

Тень лёгкой обиды промелькнула на лице Ивана.

– Ты, конечно же, не знаешь... откуда, в принципе? Но в прошлом веке существовала одна рок-группа, в которой на ударных инструментах, на барабанах, играл безрукий барабанщик. У него была одна рука. И большинство звуков на ударной установке он воспроизводил при помощи ног.

– Я подозреваю, это, наверное, такая особенность рока была, если нельзя было всё компьютеризировать?

– Точно! Рок играли вживую, то есть руками и ногами.

– А как эта рок-группа называлась?

– «Диф Липпард».

– Чего же они однорукого-то взяли?

– Он у них играл ещё до того, как ему руку оторвало в катастрофе. А они его не только не заменили другим, здоровым, но и помогли сделать новую ударную установку, и морально поддержали.

– Команда! Как у нас, у ППБ!

– Это дружба, – решил поправить Алмаз.

– Ну, да, а я что говорю? – не понял Иван.

И в ту же секунду в кармане Алмаза запищал датчик.

– Пора нам завязывать с разговором.

– Да что это такое? О чём он тебя предупреждает?

– Андрей отключил на время нашего разговора всю аппаратуру, отслеживающую действия, находящихся в данный момент в этом помещении.

– А гарнитуры?

– И их тоже. Белов в этом спец. А нам не нужно было, чтобы администрация знала об этом разговоре.

– Почему? – Иван даже слегка наклонился вперёд к Алмазу.

– Незачем давать повод предположениям, что я пытаюсь сплести какой-то заговор или тайное общество. Ты ведь сам сотрудник ППБ и прекрасно понимаешь, какое отношение у нас к подобным встречам и приватным беседам.

– Знаю. Меня сразу насторожил характер нашей встречи. Публично было бы спокойнее... И лояльнее...

– Времени нет оправдываться, – перебил Алмаз Ивана, – подумай до завтрашнего утра, время есть. Если всё-таки решишься, то найди Андрея и просто скажи «да». Он в курсе, он объяснит, что нужно делать дальше. Договорились?

Иван замялся.

– Время! – напомнил Алмаз.

– Я не могу так сразу.

– До утра! – резко сказал Алмаз, улыбнулся и, встав со своего кресла, протянул руку для рукопожатия.

– Ладно, я подумаю, обещаю, – поднимаясь с места, навстречу Алмазу, согласился Иван.

Они пожали друг другу руки, и вышли из комнаты для гостей и переговоров.

Как только оба оказались за дверьми, гарнитура Ивана беспокойно спросила:

– Сотрудник Блик! Ваша гарнитура была неактивна в течение 17 минут, произошёл сбой в системе. Есть ли вам о чём заявить администрации пансионата?

– Нет, всё в порядке, заявлять не о чем, – ответил Иван. Алмаз только еле заметно улыбнулся.

– Всё ли было в моральных границах сотрудника ППБ? В ваших действиях не присутствовало ничего, что могло противоречить существующим нормам или законодательству?

– Всё в порядке, я же сказал. У вас сбой, а я должен оправдываться. Или здесь место отбывания наказаний?

– Прошу прощения, – голос стал мягче, – это режимный объект министерства структур безопасности Азиатского Единства. Контроль необходим, как и на любом другом объекте.

– Всё в пределах, всё в границах. Я бы не допустил отступлений от кодекса сотрудника ППБ, – чётко выдал Иван.

Алмаз, молча наблюдающий за диалогом, лишь одобрительно кивал.

– Активировалось видеонаблюдение. С вами Алмаз Бумагин.

– Да, всё это время был с сотрудником Иваном... как фамилия? – спросил Алмаз.

– Блик.

– Иваном Бликом. Мы обсуждали музыку после концерта. Теперь и он поклонник моего таланта.

– Ясно, – сказал голос. – Спасибо за вашу музыку.

– И вам спасибо, – слегка поклонившись невидимому собеседнику, ответил Алмаз.

– Я должна сопроводить Ивана Блика к месту его ночного пребывания.

– Конечно-конечно. Нет вопросов. Спать нужно всем. Я и сам порядочно устал. – Алмаз даже сделал жест, как будто зевает. – Всем пока. Спокойной ночи.

Он подмигнул Ивану, развернулся и зашагал прочь по коридору. Дойдя до какой-то двери, открыл её и, не обернувшись, скрылся в проёме.

– Прошу следовать к месту ночлега. Я доведу вас. Нам нужен корпус «В».

Пока голос информатора вёл нужным маршрутом, подсказывая, где свернуть, где следовать прямо, Иван повстречался с Андреем. Тот прошёл мимо, лишь слегка кивнув головой, и совершенно спокойно произнёс:

– Спокойной ночи.

Как будто совсем ничего не знал о произошедшем разговоре и какую роль должен сыграть утром следующего дня.

Возможно ли согласиться на такое сомнительное предложение? Сказать «да» тому, о чём вообще не имеешь представления – свойственно либо отпетым авантюристам, либо людям, умеющим плохо договариваться с собственной головой. Так считал Иван.

И всё же, что-то было привлекательного в этом безумном выборе. Заняться музыкой!? После того, как дробил кости бунтарям, превращал лица в кровавое месиво, причинял любую боль ради исполнения своего долга. Какая чушь! И какая отвратительная, грязная правда о нём.

И не потому, что хотелось оказаться во всём чистеньком, отречься от прошлого. Вовсе нет. Просто хотелось другого. Такого своего, принадлежащего только ему. И почему этим не может стать музыка?

Иван начинал чувствовать, как червь сомнения и неопределённости уже копошиться в его мыслях. Нет, сегодня он долго не сможет заснуть. Нужно хорошенько всё обдумать. И решение будет непростым. Это он понимал.

Комната была, наверное, та же самая, что показывал информатор Ивану днём. Всё тот же стандартный интерьер: кровать, кресло, стол, стул, информационная видеопанель и два окна с видом на Байкал. Но сейчас особого вида из окон не наблюдалось. И если бы не мощный прожектор, планомерно шарящий по поверхности волнующейся воды, то, возможно, было бы видно звёзды.

Иван отошёл от окна, на пожелание голоса информатора «спокойной ночи» ответил тем же. И, небрежно бросив на стол гарнитуру, не раздеваясь, плюхнулся на нерасправленную кровать.

То наблюдая за отблесками прожектора от поверхности Байкала на потолке, то проваливаясь в зыбкую полудрёму, Иван продолжал обдумывать предложение Алмаза Бумагина. Это был шанс, реальный шанс успеть хоть что-то сделать за остаток своей жизни. Конечно, он ещё

не такой старик, но может быстро в него превратиться, оставаясь в этом или подобном пансионате в качестве домашнего хомячка, резвящегося в колесе новейших симуляторов, потребляющий размеренный рацион и ждущий, когда его привилегированное положение закончится естественным образом.

Вариантов развития дальнейших событий для Ивана, на самом деле, было не так уж много.

Промучившись с выбором примерно часов до четырёх утра, он всё же определился, и, отдав организму приказ «вольно», а мозгу «отбой», уснул. Он умел приказывать самому себе. Хотя, этому его не учили.

О том, что пора вставать, оповестила информационная панель. С нарастанием заиграла бодрая музыка, наподобие марша, и чёткий, уверенный голос оповестил, что настало время утреннего моциона.

Иван соскочил с кровати и почувствовал, как его слегка покачивает. Так резко он подымався по привычке, а протезы ещё не успели в полной мере настроиться под биоритмы его тела. Может быть, не хватало чувствительности. Уже только из-за этого Иван был готов произвести «апгрейд», заменив или модифицировав свои нижние конечности. И он сделает это. Решение было принято.

За несколько минут приведя себя в порядок, выполнив утреннюю дыхательную гимнастику с элементами восточных единоборств, расправив на себе слегка помятую одежду, Иван вышел на улицу и уверенно зашагал в сторону здания, в котором располагался дежурный администратор. Хотелось поскорее заявить о своём намерении завершить пребывание в пансионате, чтобы заняться собственной деятельностью, – играть, исполнять, творить музыку.

– Доброе утро, Иван Блик, – раздалось в гарнитуре.

– Доброе утро, – ответил Иван.

– Куда вы направляетесь? Вам необходимо проследовать в корпус питания. Время завтрака.

– Спасибо, я не голоден. Мне необходимо переговорить с администратором.

– Незачем терять время. Вы всё можете высказать мне, а ваша информация будет автоматически передана на его информационную панель. Или, если устроит, продублируйте в виде речевого сообщения на его гарнитуру.

– Может, тогда мне напрямую с ним переговорить? Можете соединить? – поинтересовался Иван.

– Технически это возможно, однако расходится с правилами пребывания в пансионате. Разговоры между администрацией и сотрудниками ППБ происходят в личном порядке, обмен информацией – через административные информационные сети, то есть через меня.

– Что-то я не улавливаю логики, – смутился Иван.

– Для вас это не должно быть принципиально. Таковы правила внутреннего распорядка.

Складывалось ощущение, что голос в гарнитуре прямо сейчас возьмёт, да и зачитает все эти правила. В голосе информатора слышался нажим.

– Ясно. А, может быть, он тоже завтракает? – предположил Иван.

– Представители администрации питаются отдельно. Вся информация по правилам пребывания сотрудников запаса ППБ и дисциплинарные вопросы вы можете получить на любой информационной панели, как в текстовом, так и аудио-речевом варианте, – наконец, монотонно выдал голос.

Иван остановился, глядя себе под ноги на оранжевую пешеходную дорожку, и о чём-то задумался.

– Значит, заявление я могу сделать прямо вам? – спросил он.

– Естественно, – подтвердил информатор.

– Я принял решение.

– Да, я слушаю. Какое?

– Я решил не оставаться в пансионате, а заняться самостоятельной деятельностью, – уверенно произнёс Иван.

Информатор ответил не сразу. Может быть, с трудом обработал услышанное или подбирал вариант ответа. В гарнитуре послышался слабый щелчок, словно разрешение на продолжение разговора.

– Информация принята. Заявление зарегистрировано. Неожиданно быстро было принято решение. Не было ли на вас оказано давления при выборе.

– Какое давление? – не раздумывая, ответил Иван. – Просто за ночь я всё хорошенько обдумал.

– И чем же решил заняться сотрудник ППБ в запасе Иван Блик?

– Что? – растерянно переспросил Иван.

– Коммерция, творчество, может, политика? – уточнил голос. – Или это секрет?

– Творчество, – поспешил ответить Иван. – Больше пока сказать не могу.

– Но при составлении заявления в административном здании всё же придётся точно указать сферу вашей будущей деятельности и род занятия.

– То есть, мне можно сразу идти в административный корпус?

– Да, точно. Подсказать маршрут?

– Нет, не нужно. Вон, я его вижу. Вчера запомнил, где он находится.

– Хорошо. Всегда рада помочь.

Иван зашагал дальше по дорожке в сторону корпуса администрации. В эти секунды у него в голове вертелись неприятные мысли. Не подшутили ли над ним вчера вечером? Может быть, это был своеобразный традиционный «развод» вновь прибывшего претендента на поселение в пансионате, своеобразное посвящение для получения «вида на жительство»? А он сейчас бродит по территории как идиот, в надежде встретить того самого Андрея Белова, который и скажет ему, чем или кем станет в скором будущем Иван Блик. Одним словом, сомнение росло, нервозность возрастала.

Проходя мимо здания, в котором находился дежурный администратор, Иван остановился. Решил постоять несколько секунд. Или минут. Может, Андрей всё же явится.

И тут же двери корпуса крутанулись, и, как по волшебству появившийся, Андрей побежал вниз по ступенькам навстречу Ивану.

– Слышь, дружище, извини, – издали, громко заговорил он. – Кое-что нужно было утрясти. Даже здесь есть дела.

– А я уже начал слегка волноваться, – честно признался Иван.

– Да брось ты! Андрей Белов ещё никого не подводил, – уже пожимая руку Ивана, широко улыбаясь, говорил Андрей.

– Это хорошо...

– Конечно, хорошо. Прогуляемся, поговорим?

Андрей как-то по-воровски окунул всё вокруг взглядом. Почему-то теперь Ивану это не показалось подозрительным. Скорее даже наоборот. Ведь он должен был ему сказать что-то очень важное.

– Я в административный корпус шёл, – сказал Иван.

– Пройдёмся лучше по парку, – предложил Андрей, беря Ивана под локоть, – а туда после. В ответ прозвучало короткое согласие:

– Ага.

Свернули к парку. Андрей шёл молча. Иван ничего не спрашивал. Было понятно, что так надо. Когда оказались за высокими, неподстриженными кустами с какими-то мелкими белыми цветочками, первым заговорил Андрей.

– Цветы красивые, а вонь отвратительная.

- Да? – удивился Иван. – А я не чувствую.
Андрей достал из кармана знакомую коробочку с кнопкой и световым индикатором.
- Осень приближается, скоро холодать начнёт, – как ни в чём, ни бывало, продолжал говорить Андрей. И Иван понял, что его собеседник просто треплет языком.
- Да, это точно, – решил подыграть Иван. – Каждый год одно и то же...
- Наконец, Андрей нажал на кнопку коробочки. Индикатор замигал, оповещая хозяина, что устройство начало работать по своему предназначению.
- Несколько минут у нас есть, – глядя в глаза Ивану, серьёзно произнёс Белов.
- Удобная вещица, – с ухмылкой, указывая на коробочку, сказал Иван.
- Удобная, – согласился Андрей. – Итак. Ты принял решение?
- Да, принял. Уже в администрацию шёл заполнять форму. И информатор уже допытывался, чем я хочу заниматься. Ему-то какая разница?
- Значит, администрация уже в курсе..., – задумчиво произнёс Андрей.
- Не нужно было говорить? – смутился Иван.
- Ну, почему же? Всё нормально. Всего ты им всё равно сказать не мог.
- Андрей опять огляделся вокруг и, убедившись, что по-прежнему находится вне досягаемости посторонних взглядов и камер видеонаблюдения, продолжил.
- Запомнишь, что я тебе скажу?
- На память не жаловался. Натренирована, как у любого сотрудника ППБ, – ни без доли хвастовства ответил Иван.
- Я так и думал. Тогда запоминай.
- Иван изобразил серьёзное выражение лица и приготовился внимательно слушать.
- Отправишься в Кёнигсберг. Знаешь где?
- Европейская Зона, – кивнул Иван.
- Верно. В Кёнигсберге в прошлом году построили Костёл Храма Господня. Слышал?
- Новости смотрю иногда, – подтвердил Иван. – Церковь Конфессионального Единства.
- Молодец. Знаешь. Вот в этот Костёл тебе и нужно.
- Вообще-то, я в бога не верю, – твёрдо произнёс Иван, – может быть, меня не так поняли? Что там Алмаз про меня навывдумывал?
- Да, погоди ты, выслушай! – так же твёрдо ответил Андрей. – Никто тебя не собирается записывать в священники. В этом Костёле установили музыкальный инструмент. На нём ты и будешь учиться играть.
- Вот оно что. А как он называется?
- Восстановили его по старым фотографиям, сохранившимся элементам после Европейского Погрома.
- Лет десять назад это было. Помню, много жертв было среди коренного населения, мало кто выжил.
- Вот, один из выживших, старик, и будет тебя учить. Немец, 92 года. Неизвестно, сколько ещё протянет. А в своё время был лучшим исполнителем на органе во всей Европе.
- Звучит, как анонс к фантастическому фильму, – усмехнулся Иван. – Смешно...
- Ничего смешного, – перебил Андрей, – практически, он единственный органист, который может передать свой опыт и умение кому либо.
- И этот кто-либо – я?
- Ты же хочешь исполнять музыку?
- Я хочу заняться чем-то, что со всей уверенностью смог бы назвать своим, – уточнил Иван.
- Хорошо! Это будет твоим! Только твоим!
- Оба замолчали. Андрей посмотрел на ручной браслет с часовой пластиной.
- Так ты согласен? – наконец, спросил он. – Время!
- Да, – без сомнения ответил Иван.

– Хорошо. Это правильное решение, я уверен.

– А большой он?

– Кто? – не понял Андрей.

– Ну, этот орган? – сдвинув брови, поинтересовался Иван.

Андрей усмехнулся.

– Да, большой. Очень.

– Больше фортепиано?

– До потолка.

– Как до потолка? – удивился Иван. – Шутка?

– Сам увидишь. Он из труб таких, как... духовые инструменты.

– Какие?

Андрей сдался.

– Не знаю я. Мне самому Алмаз объяснял. Поедешь и сам всё увидишь. И музыкант этот, немец, тебе всё доходчиво объяснит. Его зовут Ганс Лаукерт, если я не путаю. Спросишь музыканта-исполнителя Костёла, тебя с ним познакомят. А мы предупредим, что ты уже едешь.

Иван почувствовал, как волнение заполнило его изнутри. Щёки запылали, как от стыда.

– Он давно ждал человека, которого смог бы научить играть на органе. И нам показалось, что ты самая подходящая кандидатура.

– А как на нём хоть играть, на этом органе? – решился уточнить Иван. – Как на рояле или по-другому?

– Алмаз мне объяснял, что на органе играют и руками, и ногами.

– И ногами? – переспросил Иван.

– Ну, да, и ногами, – кивнул Андрей. – А что, это проблема?

– Нет, – Иван даже улыбнулся, – наоборот. Похоже, это как раз то, что мне нужно.

– Ну, вот и отлично. Всё запомнил? Время заканчивается.

– Да, запомнил.

– Тогда вперёд, в административный корпус, заполнять форму убытия и приобретения индивидуальной деятельности.

Коробочка в руке Андрея запищала и световой индикатор погас.

Собеседники пожали друг другу руки и зашагали по тропинке парка в сторону корпуса администрации.

Вечером того же дня между Андреем Беловым и Алмазом Бумагиным состоялся разговор. Оба общались через перекодированные гарнитуры, работающие на неофициальных, более высоких частотах. Частота сигнала преобразовывалась при помощи всё тех же «волшебных» коробочек.

– Приветствую, Алмаз! – остановив мобиль на дорожке посреди леса, заговорил Андрей.

– Привет! Что-то срочное? У меня концерт через пять минут, – без какой либо нервозности в голосе ответил Алмаз.

– Только что проводил нашего общего нового знакомого. Посадил до Екатеринбурга, а там пересадка до Кёнигсберга.

– Значит, он согласился?

– Да.

– Это классно! Будем работать.

– Когда ты его хочешь поставить в известность?

– Ну, ты спросил, – раздался смешок Алмаза. – Пусть сначала научится, втянется в процесс, освоит технику. Он же чистый, как лист.

– Это мне понятно. Для этого протезы мы сделаем. С ними он мастером станет, не хуже тебя.

– Было бы здорово...

– Вот только вопрос: когда это произойдёт?
– С его восприятием музыки, повышенной нейросенсорикой, я полагаю, приблизительно через полгода, пять месяцев, не раньше.

– Получается, что пока мы не можем ничего точно планировать?

– Думаю, не стоит.

– Да, Алмаз, я понимаю, ты высказывал своё мнение на общей конференции.

– Не все со мной согласны.

– Да, многие хотят поторопить события. Нужны действия...

– Мы ведь готовимся, – возразил Алмаз.

– Я понимаю. Если ты помнишь, я не из большинства. Я понимаю, что результат важнее быстроты или значимости самого действия. Тем более что действовать нам нужно очень предусмотрительно. Осторожно.

И Андрей огляделся вокруг, шаря взглядом между стволов высоких сосен.

– Вот именно. А в последнее время мне кажется, что в нашем Движении появилось слишком много горячих голов.

– Новички. Слишком много эмоций.

– Да, и некоторых из них в Движение привёл я.

– А некоторых я, – добавил Андрей.

– Ну, конечно, мы ещё имеем какое-никакое влияние. Объясним, остудим.

– Очередная конференция на следующей неделе. Не забудь проверить гарнитуру, – напомнил Андрей.

– Проверю, мастер на все руки, – снова усмехнулся Алмаз. – Ты Ивану всё объяснил? Не заблудится?

– Думаю, нет. Парень сообразительный. Правда, опять же, горячий. Молодой.

– Всё будет нормально. Музыка его смягчит.

– Как тебя?

– Точно.

Запищала коробочка, оповещая, что время их «закодированного» тайного разговора подходит к концу.

– Слышу, слышу, – отозвался Алмаз, – чудо техники твоё поёт. Закругляемся?

– Да, пора, – ответил Андрей и тут же быстро поинтересовался:

– Как там, в твоих ручках мои усовершенствования не барахлят?

– Всё прекрасно. Работаю с публикой. Результаты восхитительные. На кого действует, всех видно в зале. Я специально прошу, чтобы полумрак оставляли, тогда лица видно.

– А Костя Савин с тобой?

– Да, он мне помогает. Твою функцию на себя взял. Выбирает, присматривается. Он молодец, у него глаз не хуже твоего.

– Хорошо. Привет ему передавай.

– Обязательно. Ладно, я пошёл на сцену, пора. Конец связи.

– Конец связи. Пока.

Индикатор потух. Андрей сунул коробочку привычным жестом во внутренний карман. Тут же поменял гарнитуру на официальную, обязательную для использования на территории пансионата. Прикоснулся к информационному табло и мобиль двинулся дальше по дорожке в сторону поворота к шлагбауму.

Андрей вдавил поглубже в правое ухо вакуумный вкладыш гарнитуры и сказал, обращаясь к информатору:

– Могу я поинтересоваться, что сегодня будет на ужин? Когда, наконец, уже выполнят мой заказ и привезут мидий?

– Ваш заказ принят и обрабатывается, Андрей Белов. Это очень необычный и редкий заказ. Администрация ищет возможности его удовлетворения.

– Вы мне про удовлетворение лучше вообще ничего не говорите! – с наигранной серьёзностью в голосе возмутился Андрей.

* * *

Из информационного обмена внутрисетевого администрирования и надзора.

Уведомление №0306—2158-СБ-15—0062.

За прошедшие сутки имеют место те же, прежние нарушения соблюдения правил поведения и распорядка пребывания на территории пансионата «Байкальский» со стороны сотрудника ППБ в запасе Андрея Белова, а то есть игнорирование обязательной гарнитуры общего образца, использование гарнитуры собственного изготовления; а так же сговор с планированием совместных действий с вновь прибывшим сотрудником в запасе, комиссованным по инвалидности Иваном Бlichem, и уже стоящим на учёте по надзору музыкантом-исполнителем Алмазом Бумагиным. Исходя из прилагающихся аудиофайлов перехваченных и декодированных переговоров, следует, что подготовка к масштабному воплощению идей Движения за культурное и духовное возрождение человечества (ДКДВЧ) продолжается и расширяет свои возможности с привлечением новых молодых адептов, выбираемых из числа слушателей на концертах Алмаза Бумагина. По-прежнему используется нейро-гипнотическое воздействие излучателей, расположенных в руках-протезах исполнителя. Масштабная акция планируется в примерные сроки, через 5 месяцев или полгода. Изготавливаются новые излучатели для протезов новых исполнителей. ДКДВЧ планирует масштабно воздействовать на элиту представителей политического и экономического общества, с целью:

(Цитата) «... Смягчения сердец, выявления сострадания к человеку, веры в добро, желания видеть в людях братьев, равных по правам и возможностям». (Конец цитаты).

Принятый в адепты Иван Блик, воспользовавшись правом на альтернативную индивидуальную деятельность, отправился обучаться игре на органе в Костёл Храма Господня Церкви Конфессионального Единства в город Кёнигсберг. Его ножные протезы в скором времени так же будут оборудованы нейро-гипнотическим излучателем, после прохождения необходимого обучения. Андрей Белов кроме нарушений внутреннего распорядка и дисциплины по-прежнему требует выполнения заказа по доставке на кухню мидий.

Завершение уведомления.

* * *

Реагирование на уведомление №0306—2158-СБ-15—0062.

Все выявленные факты и аудиофайлы, прикреплённые к уведомлению, приняты и обработаны.

Задачи:

- продолжение фиксирования фактов нарушений;
- сохранение конфиденциальности и скрытности при наблюдении и декодировании информации;
- непротиводействие подготовке к масштабной акции ДКДВЧ, что находится в интересах Комитета по Надзору и Дисциплине.

Дополнение:

- заказ Андрея Белова на мидии по-прежнему находится в обработке. Приблизительное время исполнения – четыре недели.

Конец сообщения реагирования.

Нити в небеса

Этот день запомнили абсолютно все матросы крейсера. Выдали новое обмундирование. На себе пришлось сменить всё, кроме обуви. Объяснили, что обувь в данном случае не имеет никакого значения. Что это за «значение», личный состав военного корабля понял через несколько дней. Именно тогда и начались неприятности с некоторыми матросами. Неприятности психологические, связанные с их мироощущением, восприятием реальности.

Они и положили начало этой нелюбимой истории, случившейся на флоте около года назад, но, естественно, не освещённой ни в одном СМИ, даже военном. И уж тем более федерального значения. Военная тайна, одним словом.

Но вы узнаете о ней. Не все тайны достойны умалчивания на несколько десятилетий или веков. Пусть об этом инциденте узнает как можно больше людей. Те матросы, большая часть из которых были юнцы, призванные на срочную службу, не виноваты в том, что заставили плакать своих матерей.

Когда я увидел их впервые, у них были целы руки и ноги, не было видимых ран на теле. Но то, что произошло с их мозгами, никто не может объяснить до сих пор.

Откуда мне известны такие подробности и почему я решил всё это вам рассказать? Не всё сразу. Сначала я расскажу, что знаю, а потом вы и сами догадаетесь, откуда мне известны такие подробности, и зачем обнародовать подобную информацию. Кому это нужно.

Через открытый иллюминатор каюты, расположенной на первой палубе корабля, слышался лёгкий вечерний плеск океана.

Передо мной сидел молоденький матрос первого года службы. Губы были плотно сжаты. Глаза глядели на меня немигающим, пристальным взглядом. Кожа уже успела достаточно загореть, а нос облезть не один раз. Ему было девятнадцать лет. Его звали Горбунков Андрей.

Я уже успел пролистать его личное дело. Мы поговорили с ним о его семье, родине. Он несколько сухо поделился тем, что на гражданке его ждёт подруга. Поговорили о многом и как бы ни о чём. И он, и я понимали, что основная тема разговора ещё впереди. А всё сказанное всего лишь разминка, разогрев.

Теперь мы оба молчали. Чего-то выжидал я, чего-то ждал он.

– А я ведь не первый, с кем вы уже успели поговорить? – прервав полёт над бездной молчания, спросил Андрей.

– Ну, конечно. Я даже точно и не скажу, какой ты по счёту, – ответил я. – А это имеет значение?

– Вообще-то имеет. Даже очень важное значение.

– Вот как! – слегка удивился я и пододвинулся ближе к краю стола. – Просвети?

– Разговаривать, вообще, нужно было с самого начала со мной. И только со мной. Все те, с кем вы разговаривали до этого, и те, с кем вы, возможно, будете разговаривать потом, знают многое. Но всё равно я знаю больше их. И они, кстати, это знают.

– Несколько запутанно у тебя получается, – пожал плечами и облокачиваясь на стол, я изобразил на лице лёгкое недоумение. – Кто знает больше, кто знает меньше? И чего не знают другие, что знаешь ты?

– Я знаю больше на столько, чтобы управлять этими людьми.

Такое заявление было для меня не то что странным, но скорее даже смешным. В голове один за другим начали всплывать всевозможные комплексы психических расстройств, центральное место среди которых почётно занял бонапартизм.

– Ты предводитель? – всё же серьёзно поинтересовался я. – Или мессия?

– Не то и не другое, – без какого либо эмоционального изменения, с тем же пристальным взглядом ответил Андрей. – Я, скорее, ретранслятор.

– То есть ты не источник информации, а всего лишь её передатчик?

– Абсолютно верно.

– А они?

– Они тоже в какой-то мере ретрансляторы, – кивнул Андрей, – но так уж получилось, что я оказался сильнее их всех. Почему-то мне дано больше, чем им всем вместе взятым. И они это знают.

– Да-да, ты уже мне это сказал. Но согласись, – наконец, не выдержав, и нахмутив брови, решил спросить я, – это же очень, очень странно.

– Всем, с кем вы говорили до меня, вы сказали это, – неожиданно ухмыльнулся мой собеседник, – но это не заговор. Поверьте. Мы ни о чём не сговаривались. Просто неожиданно для всех нас в какой-то момент сработал какой-то выключатель. Щёлк! И мы стали другими. Хуже или лучше – мы не знаем. Просто другими и всё.

Для себя я тут же отметил, что очертания этого коллективного психоза начали вырисовываться. А передо мной сейчас сидел лидер, духовный предводитель этого «явления» на борту крейсера.

– Другими вы стали около месяца назад? – спросил я, записывая свои мысли в блокнот.

Андрей ответил без задержки на размышления или подсчёта в уме.

– Точнее – три недели и один день. Двадцать два дня назад, как только было проведено испытание нашего нового повседневного обмундирования.

Как раз в этот момент я почему-то и сопоставил два факта, – выдачу обмундирования и проведение эксперимента.

– Думаешь, что это как-то связано? – спросил я.

– Это связано. Да.

– И ты знаешь, каким образом?

– Знаю. Мы все знаем.

– А мне можно узнать?

– Да, конечно. Я могу рассказать абсолютно всё. Но поверите ли вы?

– Сначала я должен услышать, – пожал плечами я.

– Хорошо. Слушайте.

Не подозревал, что после рассказа Андрея Горбункова я всерьёз задумаюсь, нужны ли нам новые технологии в военно-промышленной сфере. Но так произошло.

Андрей отодвинулся от стола, лёг спиной на стенку узкой каюты и заговорил.

– Возможно, вам и не известно, но при пошиве нашего обмундирования применялась не совсем обычная ткань. В ткани присутствует очень тонкая медная нить. И нужна она для того, чтобы защитить матроса от воздействия экспериментального излучения. Разработки велись очень давно. А сейчас полным ходом идёт его испытание. Излучение по своему принципу направлено на деморализацию личного состава противника. Было применено в прошлом году в Чёрном море против корабля военно-морских сил США. И довольно успешно. И раз оружие работает, значит должна быть от него и защита. Всякий яд имеет силу, как оружие, если в твоих руках ещё есть и противоядие. То есть, обзаведясь мечом, поспешили создать кольчугу. Медная нить, вплетённая в структуру ткани, играет роль фоновой защиты, барьера для излучения. Она как бы глушит его, не давая ему воздействовать на организм человека. Но что-то сработало не так. Медная нить защитила нас от излучения во время военных манёвров три недели назад, но каким-то образом повлияла на наше сознание, дав возможность слышать голос высшего божества.

Андрей замолк. Со спокойным лицом, тем же немигающим взглядом он глядел на меня и будто безмолвно спрашивал: «Ну что, я же говорил тебе, что ты мне не поверишь?».

Но я решил не сдаваться так быстро. Это ещё не всё, что он мне мог рассказать. Я был в этом уверен.

– Все слышат голос всевышнего? – решил уточнить я.

– Голос высшего божества слышат абсолютно все. Но кто-то в большей мере, а кто-то в меньшей.

– Ты – в большей?

– Я слышу всё. Они нет.

В этот момент я немного замялся. Мне хотелось задать два разных вопроса. Я понимал, что один поведёт разговор в одно русло, а другой – в другое. Какой задать первым?

Андрей, заметив или почувствовав мою заминку, кивнул, будто понимает трудность моего выбора. И сам, без подсказки, ответил на первый вопрос.

– Он просто говорит. Это некий поток информации без прямых указаний к каким либо действиям. Нет ни требований, ни заветов. Скорее, всё услышанное можно назвать пожеланиями. А может быть, прогнозами.

– Предсказаниями? – снова решил уточнить я.

Андрей на мгновение задумался.

– Нет, это не предсказания. Это такие размышления с ноткой сожаления и разочарования.

– Сожаления о чём?

– Обо всех нас, – ответил Андрей. – О каждом из нас.

– Вышему божеству нас жалко? – с улыбкой, но сморщив лоб, опять поинтересовался я.

– Нет, совсем не жалко. Это всего лишь информация и немного разочарования.

Я начал понимать, что запутываюсь в рассуждениях Андрея и собственных мыслях. Разговор начал вращаться вокруг некоего высшего божества, которого мог услышать не каждый смертный, а лишь попавший под облучение новейшего военного оборудования. Обязательное условие – наличие на посвящённом новом, такого же экспериментального обмундирования с медной нитью.

Второй вопрос теперь можно было задавать спокойно. Агрессии и религиозного фанатизма, по крайней мере, в рассуждениях Андрея не было. А значит, он попадал вместе со своими «единоверцами» в категорию вялотекущих и совсем не буйных больных. Несомненно, больных. Сомнений у меня на тот момент не возникало.

– Андрей. А можешь ты мне сказать, что конкретно вот прямо сейчас тебе говорит голос?

– У меня нет выбора, – на последнем моём слове, почти перебивая меня, уверенно произнёс Андрей. – Я и могу, и должен отвечать на любые ваши вопросы. И, конечно, могу вам сказать, что говорит голос в данную секунду.

– И?

– Пока вы задавали вопрос, всевышнее божество уже дало разрешение на передачу информации вам.

– А какими словами? – не унимался я.

– Одним словом: «Разрешаю». Этого было достаточно, чтобы я понял.

– А сейчас?

– А сейчас голос всевышнего божества говорит, что вы хороший человек. И вы не напуганы происходящим на корабле, как все остальные из командования.

– В этом нет ничего странного, – скромно пожал плечами я, – просто мне поручили разобраться в сложившейся ситуации. У меня прагматичный, сугубо профессиональный подход. Я пытаюсь понять, что вами движет? Чего вы хотите? – И через паузу. – Чего от вас можно ожидать?

– Нас бояться не нужно.

Хоть какая эмоция промелькнула бы на лице Андрея. Внимательный, пронзительный взгляд. Будто он пытался понять меня, а не я безуспешно силился заглянуть к нему в душу.

– Голос не может приказать вам убить меня и всех остальных, не входящих в вашу группу избранных, тех, кто слышит высшее божество? – напрямик спросил я. Это было рискованно. Но иногда прямота лучше всяких стратегических уловок. Доверие получают либо сразу, либо никогда. Впрочем, как и теряют.

– Это абсолютно бесполезно, – спокойно ответил Андрей. – Стали бы вы жечь осиное гнездо, зная, что этой ночью неожиданно ударит шестидесятиградусный мороз, и все осы неминуемо погибнут?

К такому ответу я был не готов.

– Я тебя правильно понимаю, Андрей? Нет смысла убивать нас всех, потому что мы и так все скоро погибнем?

– Это говорю не я, – кивнул молоденький матрос со спокойным взглядом векового старца. – Это всего лишь информация. И как раз это знаю только я.

– Другие не знают?

– Нет.

– Почему?

– Они должны оставаться спокойными. Им ни к чему волноваться. Они должны только верить, а высшее божество само обо всём позаботится.

Мы замолчали. Неожиданный поворот событий. Вот тебе и без фанатизма.

– А когда это должно случиться? – уже осторожнее поинтересовался я.

– Завтра в полдень, – без тени смущения ответил Андрей.

– Завтра в полдень? – переспросил я.

– В одиннадцать часов пятьдесят семь минут по местному времени, – прозвучало сухое уточнение.

– А что случится? Все умрут? Апокалипсис? Конец света?

Неожиданно Андрей положил перед собой руки на стол, опустил на них голову, и начал говорить прямо в поверхность стола глухим голосом:

– Случится непоправимое. Погибну я, погибнут многие. Но вы будете жить. Из всех, кому будет грозить смерть, вы будете защищены. И это ваша судьба.

Отчётливо помню, что меня передёрнуло, и лёгкий холодок пробежал от макушки до пятого шейного позвонка. Уж больно тревожно, по-театральному надрывно прозвучало послание матроса Горбункова. Непонятное мне самому сомнение вкралось в мою голову. Может, действительно это не он сам придумывает на ходу мессианскую легенду про голос и скорейшую массовую гибель?

– В это мне тоже верить? – с появившейся хрипотцой в голосе поинтересовался я.

– Ни к чему, – поднимая голову, ответил Андрей. – Завтра будут доказательства. И не поверить будет труднее, чем взглянуть на солнце.

Что он имел в виду? Человек может взглянуть на солнце, но это для него не очень приятно. Да и небезопасно для глаз. Но ведь может, это не трудно.

Могут ли слова Горбункова означать, что верить ему так же опасно, так же неприятно, но возможно?

Одно я мог понять чётко: Андрей Горбунков – твёрдый орешек.

Но где он этого всего нахватался? Анкета говорила, что его мать обычная швея-мотористка, а отец проработал двадцать лет охранником в ЧОПе. Сам Андрей окончил школу, отучился два года в техникуме и пошёл в армию. Самородок? Или прекрасный актёр?

Но зачем подговаривать почти всю команду матросов крейсера? Неужели всё-таки массовый психоз? Но почему только у тех, кто был в новом экспериментальном обмундировании с медной нитью?

Вопросов было больше ответов раз в сто, не меньше.

У меня потихоньку начинала ныть голова от умственного перенапряжения. А мне предстояло ещё опросить восемь человек из команды матросов, причисляющих себя к этой ново зародившейся секте «слушачей». Я улыбнулся собственным мыслям. Стало немного полегче.

– Оставшихся восьмерых можете не опрашивать, – неожиданно заявил Горбунков. – Они вам ничего нового не расскажут. Всё то же самое, что и предыдущие.

– Я должен, – почему-то со страдальческой ухмылкой сказал я.

– Понятно. Служба.

– Так точно, товарищ матрос.

Я встал из-за стола. Андрей поднялся тоже. Мы пожали друг другу руки и я сказал:

– Спасибо за беседу.

– Пожалуйста.

– Скажу честно, Андрей, – глядя прямо ему в глаза, на прощание начал говорить я, – не понимаю, зачем вам это нужно. Вы ведь не психи. Вполне нормальные ребята. Ну, поиграли немного в театр, побалагурили слегка, и уже завязывайте. А? Вам ведь ещё на гражданку возвращаться. Девчонки, родители ждут. Ну, разве стоит оно того?

И как раз в это мгновение я почувствовал весь ужас, всю неминуемость всего-всего в глазах Андрея. Неминуемость времени, неминуемость случайностей, неминуемость добра и зла. Как будто из глубины его глаз на меня взглянула не человеческая сущность, какой являлся Андрей Горбунков, а то самое высшее божество.

– Я не могу, – твёрдо произнёс молоденький матрос со стальным, немигающим взглядом. – Может тот, кому дано. И мне дано, но другое. Трудное для вашей веры, но лёгкое для моей. А значит, предназначено мне выполнить волю его, как свою собственную.

Андрей не просто говорил, а как будто декламировал заученные строки из священного писания. Вот только из какого?

Я освободил руку от рукопожатия, спрятал ладонь в карман брюк и произнёс:

– Хорошо. Не буду спорить. Совершенно с тобой согласен: твой выбор – это твой выбор.

Спорить мне с ним не хотелось. У меня были абсолютно другие полномочия. Сделать опрос съехавших с катушек матросов, написать отчёт и предоставить его командованию. Всё! Заниматься их психикой, выяснять, что же произошло с их мозгами, – этим займутся другие. Не я!

И всё же искренне я желал этому молодому матросу и его сослуживцам закончить ломать комедию и вернуться к нормальной службе. В противном случае не военный психиатрический госпиталь, так дисциплинарный береговой батальон их ожидал точно.

– Выбор – миф, – добавил к моим словам Горбунков и тут же спросил, – разрешите идти?

– Свободен, матрос, – печально произнёс я.

Андрей козырнул. Я руку не поднял, так как был без фуражки. Хотел ему сказать что-то вроде «всё же подумай» или «не губи молодость», но сдержался. Ему это было ни к чему. Так мне казалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.